

821.161.1(574)

M48

ЮДМИЛА МЕЛЬНИК

*Обнажение
души*

821.161.1 (57A)
M 98

Людмила Мельник

821.161.1 (57A)
УДК 821 (57A)-1
ББК 84 (57A3-Р)с-2
84 М

ОБНАЖЕНИЕ ДУШИ

О СЕБЕ

Родилась я в 1966 году в селе Мерке Меркенского района. Родители рассказывали, что в тот декабрьский день был сильный буря. Видимо, он и отразился на моем характере. С детства я отличаюсь нетерпимостью к несправедливости, неустремленностью и решительностью в достижении цели. Обнажение души – это рассказ о жизни, о переживаниях, о чувствах, о мыслях, о том, что происходит в душе человека. Я несколько лет жила в селе Мерке, а затем переехала в село Жалынды (бывш. Бурное) Жуалинского района.

ТАРАЗ ҚАЛАСЫ
ОКЖ
ИНВ.№ 8 1 2 6 5 - 2

2023

821.161.1(574)

УДК 821 (574)-1

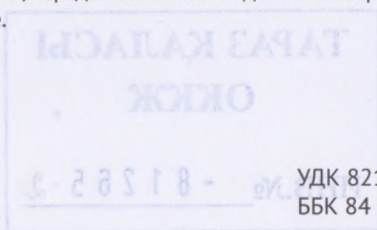
ББК 84 (5Каз-Рус)-5

М 48

М 48 **Мельник Людмила**
Обнажение души : сборник / Людмила Мельник. – Алматы: «Абай»
basпасы, 2023. – 148 стр.

ISBN 978-601-7694-14-2

Сборник «Обнажение души» – это, по сути, обнажение внутреннего мира жамбылской поэтессы и журналистки Людмилы Мельник. Ее стихи, глубоко личностные, лиричные и образные, находят отклик у любителей поэзии. Сегодня вы можете оценить не только еще раз поэзию, но и прозу автора. Большинство произведений, представленных в данном сборнике, публикуются впервые.

УДК 821 (574)-1
ББК 84 (5Каз-Рус)-5

ISBN 978-601-7694-14-2

© Мельник Л., 2023
© «Абай» basпасы, 2023

высший человек рядом. Как сказал французский поэт, критик и теоретик классицизма Никола Буало-Лепрео, кто ясно мыслит – ясно излагает.

Я не помню, хотя, как и многие из нас, в юности пытался довернуть чувства бунтаге. Из этой эстапы мало что вышло, поэтому буду часто ссылаться на мировых классиков. Например, выскендзвзвнм Д. Дамаскиос.

О СЕБЕ

Родилась я в 1966 году в селе Мерке Меркенского района. Родители рассказывали, что в тот декабрьский день был сильный буран. Видимо, он и отразился на моем характере. С детства я отличаюсь нетерпимостью к несправедливости, целеустремленностью и решительностью в достижении цели.

Так получилось, что мое раннее детство прошло сразу в нескольких селах Кордайского района, славящегося прекрасной природой. С 1976 года наша семья осела в селе Б. Момышулы (бывш. Бурное) Жуалынского района.

Стихи попробовала писать рано. Некоторые из них были включены в школьные стенгазеты.

Что касается серьезного творчества, то этот период наступил в начале 2000-х годов. Мои работы прошли конкурсный отбор для участия в мастер-классе Общественного фонда развития культуры и гуманитарных наук «Мусагет». Часть из них вошла в один из номеров литературно-художественного издания «Аполлинаруй». Также имеются публикации в журналах «Нива» и «Простор».

Людмила Мельник

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поэзия – это поток радости, боли, изумления и малая толика слов из словаря. Эти слова выдающегося арабского писателя, поэта, философа XX века Джебрана Халиля Джебрана вспомнились, когда прочел некоторые стихотворения жамбылской поэтессы Людмилы Мельник.

Мы с Людмилой Анатольевной знакомы давно, поскольку работали в одном коллективе – в редакции жамбылской областной газеты «Знамя труда». В журналистской работе, несомненно, есть место творчеству. Тем более, когда являешься редактором литературной полосы, которую в редакции вела Людмила. Но журналистика зачастую изнурительна, поскольку в силу должностных обязанностей приходится встречаться, мягко говоря, с не совсем адекватными людьми. Поэтому порой бывает не до творчества. Однако Людмила Мельник, находясь в такой горячей точке, как газета, сохранила себя как поэтесса.

Я знал, что она пишет стихи. К сожалению, в силу ее скромности не удавалось понять, насколько она талантлива. И только теперь, читая ее стихи, начинаю осознавать, какой

одаренный человек рядом. Как сказал французский поэт, критик и теоретик классицизма Никола Буало-Депрео, кто ясно мыслит – ясно излагает.

Я не поэт, хотя, как и многие из нас, в юности пытался доверить чувства бумаге. Из этой затеи мало что вышло, поэтому буду часто ссылаться на мировых классиков. Например, вышеназванный Д. Джебран сказал: «Поэт – удивительное создание, наделённое третьим, духовным, оком, видящим в природе то, чего обычно не видят глаза, и внутренним слухом, различающим в шёпоте дней и ночей то, чего обычно не улавливают уши».

Будто отвечая на такое определение, Людмила Анатольевна пишет:

Розовый туман над крышей дома –
Солнца луч проклюнулся с востока.
Это утро мне уже знакомо –
Капелька вселенского потока.

Анатоль Франс однажды сказал, что «сочинение стихов ближе к богослужению, чем обычно полагают». В творчестве Людмилы Мельник я нахожу подтверждение словам французского писателя и литературного критика. Читая написанные ею строки:

Каждый день – цепочка разных действий.
Каждой ночью что-нибудь, да снится.
Я стою, не двигаясь, на месте,
Только жизнь моя куда-то мчится, –

начинаю осознавать, что что-то подобное было и в моей жизни. Будто оказался на обочине жизни, а она мчится мимо. И невольно обращаешься к Создателю с мольбой пробудить от оцепенения.

ЗЕЛЕННЫЕ ШТАНЫ

Стихи

И выиду на пролетт
Затяну зеленые штаны
Собой

Штаны мои расшевелият
И выиду дивной

Смотри, как все на них глядит
Завидуют, эй-эй.

Так хороши мои штаны
И выидат о'кей.
Мои глаза огня полны,
И мир вокруг светлей.

И радует веселый цвет
Весеннего листа,
А люди смотрят косо в след
И крутят у виска.

Они сердиты и тейны,
И вкуса нету них.
Пусть носят серые штаны
Остаток дней своих.

Март 1998 года

ЗЕЛЕННЫЕ ШТАНЫ

Куплю зеленые штаны
И выйду на проспект.
Затмят зеленые штаны
Собой весь белый свет.

Штаны мои расшевелят
И удивят людей.
Смотри, как все на них глядят,
Завидуют, ей-ей.

Так хороши мои штаны
И выглядят о'кей.
Мои глаза огня полны,
И мир вокруг светлей.

И радуется веселый цвет
Весеннего листка.
А люди смотрят косо вслед
И крутят у виска.

Они сердиты и темны,
И вкуса нет у них.
Пусть носят серые штаны
Остаток дней своих.

Март 1998 года

ПРЕДРАССВЕТИЕ

Не рассвет – предрассветие века,
Послесловие прошлых времен.
Нерождение Нечеловека
Вызывает мучительный стон.

Устояла Земля, Боже правый,
Не свернула в пустынный Аид.
Только очередь у переправы
Неподвижно веками стоит.

Превратились в жемчужины слезы,
Кто-то шепотом мрачным изрек:
«Предрассветие века, возможно,
предвещает вторжение в Рок».

Кто-то в поисках рая и ада
Топчет в боли оскоминной флаг.
А Земля напускает торнадо
Вызывая стремительный страх.

От послания до ниспосланий,
В порошковых приветах своих
Ход безумных идей волчьей стаи
В предрассветии века не стих.

В полосатости звездного стяга
Реет в небе свинцовом орел.
В послесловии прошлом бродяга
Мир безумный спасти снизошел.

НОЯБРЬ. УТРО...

Цепляясь за мираж зари,
Вставало солнце над домами.
Включались окна-фонари,
Взрывались лужи – лед и пламя.

Стыдились клены наготы
И прятали стволы в тумане.
А придорожные кусты
Застыли в сладостной нирване.

Так начинался новый день.
Как после праздника – наутро
Боль от находок и потерь
И отголоски древней сутры.

И словно мчась навстречу дню,
Врывалось утро в окна спальни,
Открыв немислимые ню
Моих надежд, моих желаний.

Вот-вот послышатся шаги за дверью,
и тихий стук, и я открою дверь.
Я жду шагов, как безнадежный – зелья,
как смерти – загнанный, но не плененный зверь.

Не следуя проверенным поверьям,
я напридумала своих негласных вер.
Себя надеждой теплящейся грея
сверх всяких норм и непомерных мер.

Июльский мрак не освещают звезды,
под небом онемела тишина,
но тротуар лениво отзовется
на звук твоих шагов из-за окна.
И этот звук мелодией прольется
Отскакивая каплями от дна.

ГОРНОЕ ОЗЕРО

От поверхности гладкой
Отразится зенит.
Солнце словно украдкой
Из-за тучи глядит.
Породнится снежинка
С ледяною волной,
Станет каплей, дождей,
Станет веткой седой.
Не растают вершины –
Небеса холодны.
Замерзают лощины,
Став мотивом немым.
И, избавив природу
От несбыточных грез,
Будет властвовать гордо
Над горами мороз.

НОЧЬ И ТИШИНА

Ночь и тишина.
Слушаю сверчка.
Белая луна.
Белая рука.

За окном теплей
Звонкая весна.
Белая постель –
Белая стена.

Думы не гнетут,
просто не до сна.
Я чего-то жду
В тишине одна.

Замолчал сверчок,
Тишина полней.
Белый потолок.
Белая постель.

Промелькнет череда
Безмятежных снов –
Белая вода
Белых облаков.

* * *

Сквозь тюля призрачные розы,
Сквозь запотевшее стекло
Ворвался день, слегка морозный,
Слегка прозрачный, нежно звонкий,
Шуршащий свежестью газеты,
Дразнящий дымом сигареты,
Хрустящим льдом под каблуком,
С звенящим проводами ветром,
За тонким прозрачным стеклом.

НОЧЬ И ТИШИНА ***

Мне тишина нашептала соблазнов
И усыпила.
Так и осталась мечта недосказанной –
Не было, было.

Ты разбуди меня, только не спрашивай.
Я не отвечу.
День бесконечный, ярко окрашенный.
Вечером – свечи.

Ночь темно-серую, звезды гирляндами
Мне не показывай.
Не соблазняй. Мне соблазнов не надобно.
Сказки рассказывай.

В тишине одна,

Замолчал сверчок,

Тишина полной.

Белый потолок.

Белая постель.

Промелькает череда

Безмятежных снов –

Белая вода

Белых обрывков.

Мимолетный поцелуй,
Дверь захлопнулась. Нисколько
Не страдаю, не ревную
И, как нитка за иголкой,
За тобой везде иду я.

В четырех стенах одна
Целый день кручусь без толку.
Ты работал допоздна,
Я, как ниточка иголку,
Удержать тебя должна.

Ты приходишь в теплый дом,
Постучавшись в дверь негромко.
Мы с тобой сидим вдвоем,
И, как ниточка с иголкой,
Терпеливо счастье шьём.

ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА

В Таразе сказка оживает ночью,
Когда огни зажгутся над рекой,
Когда встает над Тектурмасом прочно
Ночной дозор под горною грядой.
Огни сияют разноцветной связкой
Гирлянд волшебных, искрами добра.

Так в мире нашем создаются сказки,
Их пери повествуют до утра.
Тысячелетья здесь втекают в реку,
Несет их в мир живительный Талас.
И звезды светят здесь с начала века.
Здесь вечный город – сказочный Тараз.

Я нарушала прописные истины
И выходила за пределы всех границ,
Умом я понимала, что немыслимо
В присутствии неискушенных лиц
Свои идеи воплощать и принципы,
Всех журавлей меняя на синиц.

Я промотала, проморгала, выстроив
Безудержные мысли в ровный ряд,
Свой шанс. И улетели быстрые
Синицы, мне подсунув журавля,
Которого я не взяла из принципа
И отпустила в теплые края.

ЖАРА

Вечер в городе. Во множестве огней
Улицы становятся другими.

Во дворах мелькание теней,
И дома пока что не остыли.

Этим летом все идет не так,

Даже ветер дует по-другому.

Вечер нынче друг, а день – как враг
Наступает каждым утром снова.

Отбиваться не хватает сил,

Ждать, что будет, тоже надоело.

Только вечер радостен и мил –
Доверяю я ему всецело.

Он придет, когда спадет жара,

Солнце ляжет спать на горизонте.

Точно так же он пришел вчера,
Обозначив серым чей-то контур.

На скамейках снова детвора

Отдыхает с ветерком в обнимку.

И традиционная игра

Фонарей в веселые ужимки.

Тишины не будет до утра –

Шорохи живут вокруг и всюду.

А когда совсем спадет жара,

Со дворов уйдут в квартиры люди.

* * *

Желтый лист плывет в пруду – уплывает лето.
На дворе стоит она, в золото одета,
Осень красит все вокруг красками своими.
Желтым стало все сиять, только небо – синим.

Уплывает желтый лист далеко-далёко.
Распрощалась я уже с летом синеоким.
Жду туманы и дожди, к холодам готовлюсь.
Осень краски развела, по степям разносит.

Тополям придаст контраст, клен раскрасит охрой,
Станет город щеголять весь в оттенках желтых.
Птицы улетят на юг, чтоб весной вернуться.
Желтый лист плывет в пруду – мне не дотянуться...

Как ничто лжи и лести стало вдруг,
Но мне лишь правда-матка по душе.
Я не желаю вписывать в клише
Свои мотивы, что звучат не вслух.

В осенних горах осеннее всё –
Трава и кустарники, даже собака.
Она стережет вход в жилище свое,
Но молча. Совсем не приучена гавкать.

Молчанье в горах введено с давних пор.
Лишь можно услышать журчание речки,
А пес стережет вход в жилище у гор,
Где осень сидит у пылающей печки.

Но выйдет она и пойдет меж вершин,
Вся в золоте ярком, прекрасна, прохладна.
А следом за ней желтый пес-сарацин,
Что снова в мундир облачился парадный.

Он придет, когда спадет жара,
Солнце ложит спать на горизонте,
Точно так же он пришел вчера,
Обозначив серым чай-то контур.

На скамейках снова детства
Отдыхает с ветерком в обнимку
И традиционная игра
Фонарей в веселые ужимки.

Тишины не будет до утра –
Шорохи живут вокруг и всюду.
А когда совсем спадет жара,
Со дворов уйдут в квартиры люди.

* * *

Мне глубоко не наплевать на мир,
В котором каждый миг подобен смерти,
В котором часто голодают дети,
В котором каждый – брошенный и сир.

Как изменить пропащую судьбу,
Не ведаю, и оттого страдаю.
Но совершенно точно я не знаю,
Смогу ль ввязаться в вечную борьбу.

Мне глубоко не наплевать на то,
Что каждый день, наполненный страданием,
Кого-то награждают лживым званием
И орден прикрепляют на пальто.

Как много лжи и лести стало вдруг.
Но мне лишь правда-матка по душе.
Я не желаю вписывать в клише
Свои мотивы, что звучат не вслух.

* * *

Осень в горах загрустила:
Листья с деревьев роняла,
Легким дождем моросила,
Неразговорчивой стала.

Утром туманом молочным
Горные степи накрыла.
Осень в горах непорочна,
Осень в горах – молчалива.

Если увидится с солнцем,
То обойдет его кругом.
Тенью прохладной коснется
Горной вершины над лугом.

Спрячется в кроне боярки,
Ветром холодным окатит.
Осень играет в прятки,
Только играть с ней некстати.

Не рассказывай мне ни о чем,
Я сама обо всем догадаюсь.
Я всегда за твоим плечом.
Нет, не прячусь, всего лишь маюсь...

Ты идешь везде напролом,
Покоряешь сердца и вершины.
Я всегда за твоим плечом,
Я ведь женщина, а не мужчина.

Я надеюсь всегда на тебя
И во всем тебе потакаю.
Ты идешь напролом. Любя
Все вокруг твой характер хвалят.

Я ж всегда остаюсь в тени,
За твоим плечом растворяюсь.
Мой любимый, грехи твои
Все с моей сединой прорастают.

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето – та же осень,
Ярких красок много очень.
Ночь прекрасна. Вечер тоже
Душу может растревожить.

Я проснусь. Наступит утро.
Все отлично, просто круто.
На дворе везде приметы –
Наступило бабье лето.

Солнце мангового цвета,
Тополь, в золото одетый.
Рыжий кот в глубинах сада,
Хмель, опутавший ограду.

Бабье лето, словно птица,
В голубую даль стремится.
А в душе моей нескучной
Осень машет детской ручкой.

* * *

Пройдет один месяц, и лето устанет от дел,
Таких неотложных, как солнце и жаркие дни.
И раньше зажгутся в домах неживые огни,
Чтоб было светлее, чтоб холод не одолел.

И снова потянутся к югу собрания птиц,
Которым у нас неуютно в осенней хандре.
И скоро о лете забудут по этой поре,
А в небе дождям и туманам не будет границ.

Всего тридцать дней – один еще вмиг пролетит.
Неслышно, но видно, как быстро желтеет листва.
Все чаще я слышу свои и чужие слова:
«Ах, лето закончилось!» Август еще погостит...

Каждый день – цепочка разных действий,
Каждой ночью что-нибудь да снится.
Я стою, не двигаюсь, на месте,
Только жизнь моя куда-то мчится.

БАБЬЕ ЛЕТО

* * *

Сто лет пройдет, я вспомню этот миг –
Ночной Тараз, туман съедает тени.
Скелеты тополей позднеосенних
Сложили корни в высохший арык.

Иду домой под светом фонарей,
Под шум автомобилей яркоглазых.
Ступаю мимо жителей Тараза,
Что прячутся в туманности теней.

Здесь все имеет свойство исчезать
И возвращаться так, что вздрогнет сердце.
Я буду долго жить здесь по соседству,
И свой Тараз любимый вспоминать.

Бабье лето, словно птица,
В голубую даль стремится,
А в душе моей нескучной
Осень машет детской ручкой.

Горче солнце. Вверху облака

Развернуты. МОД *** МАМ

Двор, беседка, крашенный заборчик.
На траве забытый кем-то мячик.
Вон мальчишка, злобно рожи корча,
Улюлюкая, за кошкой скачет.

На листе – белесая пороша,
Ветки тополей стремятся к небу.
Дом напротив. Кто-то из окошка
Воробьям бросает крошки хлеба.

Розовый туман над крышей дома –
Солнца луч проклюнулся с востока.
Это утро мне уже знакомо –
Капелька вселенского потока.

Каждый день – цепочка разных действий.
Каждой ночью что-нибудь, да снится.
Я стою, не двигаясь, на месте,
Только жизнь моя куда-то мчится.

МАМИН ДОМ

Зашла сегодня в мамин дом:
Светло, герани на кошках.
И сразу вспомнила о том,
Как грелась на окошке кошка.

Сияли звезды, и луна
Рассказывала ночью сказки.
Как спать боялась я одна
И к маме шла с большой опаской.

А ночью дом жил сам собой –
Скрипели двери, половицы.
И, наслаждаясь под луной,
Взлетали ввысь ночные птицы.

Зашла сегодня в мамин дом
И снова окунулась в детство.
И сразу вспомнила о том,
Что это не мое наследство.

И возвращусь ли я сюда?
Навряд ли... Снова уезжаю...
Но дом запомню навсегда,
Чтоб жить, о детстве вспоминая.

* * *

Горячее солнце. Вверху облака
Развернуты, как на окне
занавеска.
Узоры простые, но это пока
Не тронет ее ветерок.
Сколько блеска
Увижу тогда в этот день.
И проникнусь
Таким удивительным кадром.
В кино
Подобных решений не видно.
Немыслимый
Видеоряд не пройдет все равно.
О, сколько событий и встреч ожидает
Меня под горячими всплесками!
Лето
Обрушилось черно-белой стаей
Стрижей, что стремительно
ринулась в реку.
Дыханье пустыни коснулось
и мимо
Прошло по поселку
у стоп Мойынкумов.
Здесь тысячи лет время
дарит нам крылья,
Чтоб мы улетели...
и снова вернулись.

В ОЖИДАНИИ

Завтра – июнь. Летних дней череда
Вновь ожидает меня на пороге:
Встречи, события и города,
Пешие тропы и автодороги.

Люди безликие мимо спешат –
Едут, летят или быстро шагают.
И не случайно вонзается взгляд
В центр большой человеческой стаи.

Трудно сказать, что тревожит меня –
То ли поток автотранспортной массы,
То ли рутина, что день ото дня
Движет толпу от прилавка до кассы.

Дней череда обратилась в черту
Цвета давно залежавшейся пыли:
Не суждено навести чистоту
В вечно закрытой и темной квартире.

Со стороны посмотрю на себя:
Завтра получится вдруг измениться.
Темно-постылых ночей простота
Сможет застрять на весенней границе.

Светлый поток оглушит, закружит
Вихрем зеленым и радужным светом!
И мне захочется счастливо жить
Этим веселым и солнечным летом.

ПАМЯТЬ

Вонзилась в память острая стрела
Воспоминаний прошлых поколений.
Не знаю, как бы дальше я жила,
На что б молилась и куда б смотрела?

Но каждым утром глядя на восход,
Молю всех предков о моем прощенье.
И боль воспоминаний вновь грызет,
Стирая мысли, имена и время.

Оглядываюсь каждый день назад –
Что там осталось, что вернуть нужно?
То натываюсь на суровый взгляд,
То спотыкаюсь от взысканий гневных...

Наверное, не только у меня
Болит душа и совесть беспокойна.
Но почему во взгляде нет огня,
И сердцу каждый день бывает больно?

И могут ли молитвы излечить
Недуги моих прошлых воплощений,
Чтобы потом спокойно в мире жить,
И продолжать смотреть на город древний.

В ОЖИДАНИИ

Сто тысяч звезд в ночи мне светят сверху:
Увы, мне не всегда дано увидеть звезды.
Я греюсь под луной дыряво-ветхой,
Рискуя навсегда под ней замерзнуть.

И что в ночи такой находят вечно
Романтики, свернувшие с дороги?
А я ступаю по тропинке млечной
Состроив мину нежной недотроги.

Сто тысяч звезд и сто алмазов сразу
Мне кто-то сможет подарить на память?
Не верю я в проклятия и сглазы,
Не верю, что смогу пойти за вами.

Лишь знаю, что сто тысяч звездных
Светил останутся со мной в ручьях и речках...
Я буду греться под луною ночью
И сочинять судьбу свою при свечках.

Светлый поток оглушит, закружит
Вихрем зеленым и радужным светом!
И мне захочется счастливо жить
Этим веселым и солнечным летом.

ВЕЧНОСТЬ

Композиция за окном: свет сплетается с тенью.
Тишина и покой. Лишь мелодии нежная трель.
Что мне делать, не знаю. По карнизу капель –
Это капает вечность, унося жизнь, надежду и время.

Подождать, потерпеть и устать от пронзительной
грусти.

Мой удел – выносить на плечах все капризы судьбы.
Я устала от суеты, уносящей минуты.

Так хотелось убить
Человека, пустого и легкого... Но пришлось отпустить.

Отпустить свои мысли, беспощадные, словно мучитель.
Успокоить себя и открыться для веера стрел.
Прошагать до конца и удачу поймать на прицел.
Моя жизнь – самый лучший гуру и целитель...

Я умоляю, нарушать не надо
Спокойствие ночного снегопада.

Ложится тихо-тихо снег на крыши,
Его дыхание почти неслышно.

Кружится нежный снег в прекрасном танце,
Деревья тоже стали наряжаться.

Предстанут утром в праздничном наряде,
Чтобы напомнить мне о снегопаде.

И сочинять судьбу свою при свечах.

ПОЛНОЛУНИЕ

Каблуками по квадратам света,
Тротуаром вдоль колонн-домов,
Мимо пахнущих сиренью веток,
Сквозь туман весенних вечеров
Я прошла усталою мадонной.
Бесконечный день вернул кредит,
Оттого, наверное, так взволнованно
Сверху круглая луна глядит.

Но вспомнишь ли тот час, когда жара
Врывалась в окна, поднимая шторы?
Я помню все слова, я десять лет ждала.
Я дождалась, но стало больше горя.

Я НЕ СТРАННИК

Я не странник – гуляю по кругу.
(Домосед – не монах-пилигрим.)
Я не стала заветной подругой,
Чтобы стать продолженьем твоим.

Не раздумывая у перекрестка,
Путь продолжу, куда поведет.
Шла на запад, вернулась с востока,
Когда розовым брезжил восход.

Бросив пыльник на дно чемодана,
Я надела вечерний наряд.
Я не странник, но кажется странным,
Что я вновь возвратилась назад

РАССТОЯНИЕ

Мы под одной звездой, но в разных городах.
Мы на одной планете, меж нами расстояние,
Что измеряется не в метрах, а в годах,
И эти годы станут ожиданием.

И мысленно преодолев весь путь,
Подам тебе знак дрогнувшей рукою.
Узнав, что годы вспять не повернуть,
Я изменюсь. Но стану ли другою?

Мы под одной звездой не думали о том,
Что жизнь сведет нас на одной планете.
Глаза в глаза. Рука в руке. Потом
Ты вспомнишь обо всем, что было летом.

Но вспомнишь ли тот час, когда жара
Врывалась в окна, поднимая шторы?
Я помню все слова. Я десять лет ждала.
Я дождалась, но стало больше горя.

ОСКОЛКИ

СЕМИПАЛАТИНСК

Запланетный мираж, мир поднявший над горизонтом,
За которым простерлась на вид нежилая пустыня, –
Это мир, о котором зачем-то забыли,
Прячет голову под термоядерным зонтом...

Вспомни ужас, звенящий оконными стеклами
И ласкающий кожу ядовитым дыханием,
Стон – и снова хлопают деревянными ставнями
Мазанки, пытаясь притвориться мертвыми.

Жаркий северный ветер пронесся по городу,
Погоня умервщленные листья по майскому саду.
А они собрались, как овцы в огромное стадо,
Исполняя гимн пятьдесят четвертому году.

Это время, ничем не предвещающее рождение,
Не помышляло о преднамеренной смерти.
Только могут ли думать о ней посметь
Наши дети послеядерного поколения?

23.10.2003 г.

ОСЕНЬ

Резные кружева шуршат, напоминая о недавнем
лете цвета спелой дыни.

По небу, не спеша и спрятав все секреты, плывут
дворцы из паутины.

Скопив дожди в горах, готовя их пролить наутро,
осенний день ушел.

Лишь в ветреных словах я что-то слышу смутно,
и это хорошо.

Ступив в туман осенней дремы и окунувшись
в дым костров, что жгут в садах,
Я поняла, что во дворцах из паутины спит лето
в кружевах.

26.10.2003 г.

ХРАНИТЕЛЬ

Ангел вспомнил меня в жизни прошлой –
Я бродила рядом другими путями.
Не была ни распутной, ни пошлой,
Просто женщиной в черной сутане.

Как смеется над смертными память –
Забывается все, даже время.
И стирается надпись на камне:
«Ты останешься с нами со всеми».

Этим сказано все. И не страшно,
Что дороги скрестились сегодня.
Я слежу за часами на башне,
И мечтанья метаниям сродни.

Перекресток, засыпанный пылью,
Скрыл следы неистлевшей надежды:
Ангел, скинув ненужные крылья,
Снова стал безмятежным и грешным.

АМНЕСИЯ БУРЯ

Непогодилось. От непогоды
Я укрылась за запертой дверью.
Ветер пел. Это было на годы.
Это было поветрие моды –
Разгонять в небе тучи и перья.

Уклонялись от дела дерева,
Не желая теряться в природе.
Есть в народе такое поверье
(В суеверия верю, не веря) –
Это демон под окнами бродит.

Врастая в скалы
В бескрайней дали
Я поняла, что далеко
Лишь льется за каменной стеной.

Снова мир открыл
Миромством огня,
Разноцветьем искр
Остатки меня.

ОДИНОКАЯ ЗИМА

Не смотри, что снег
Целый день идет.
Я ступаю в след
Новых непогод.

Снег идет давно,
Сыплет сотни лет.
В веренице снов
Новых мыслей нет.

И узор окна,
И морозный свет.
Снова я одна,
Снова мир ослеп.

Вышла, словно в склеп,
В белоснежный мир.
Только ты не верь,
Что опять ожил.

Снова мир остыл
Множеством огня,
Разноцветьем искр
Остудив меня.

МЕЛОДИЯ

В плену своих желаний я забыла,
Что осень наступила за окном.
А осень жизни снова отступила,
Пообещав прийти ко мне потом.

И бабье лето солнышком ласкает,
За буйством чувств упрятав все морщинки.
В распахнутые окна залетает
Мелодия заезженной пластинки.

Но мысль, оплетенная чудесной
Фантазией шопеновской молитвы,
Так и осталась той душевной песней
И гимном всей моей духовной свиты.

Врастая телом в жизнь, врастая мыслью
В бессмысленность идей и новых знаний,
Я поняла, что много не смыслю.
Лишь льется за окном поток желаний.

ВОЗМЕЗДИЕ

Уроки прошлого напоминают,
Что знания со мной остались.
Что нет в руках булатной стали,
Которой молодцы махали.

Мы помним зов обиды кровной,
Когда друг друга убивали.
Когда в ряды врагов встречали
Мечи из закаленной стали.

Нас мало. Мы рожаем войны.
Мы к битвам прикипели смалу,
Когда врагов себе рождали,
Когда в Раю родился Каин.

Снова мир остыл
Множеством огня,
Разноцветьем искр
Остудя меня.

УСТАЛОСТЬ

Не до шуток, когда мир окружающий рушится,
Когда нельзя стоять под крышей отчего дома.
Казалось бы, земля по-прежнему кружится,
Но орбита опять очерчена по-другому.

Не закрыть глаза на беду и горести,
На бесчеловечность поступков, совершенных убогими.
И сюжеты уже сами складываются в повести,
Что писали другие, а читали не многие.

Не сложить беспомощно усталые крылья,
Что становятся днем не руками – ланитами.
Что поделать – порывы еще не остыли,
А глаза остаются постоянно открытыми.

И слова повисают в Геене расплавленной,
Душно-жгучей, по-южному пахнущей дынями.
Не до шуток уже. Нам бы справиться с планами
И со стенами дома, от бездушья остывшими...

В холодной ломоте руки
Все чувства превратились в лед.
Навстречу осень вновь идет,
В асфальт вбивая каблуки.

Покрасив ржавчиной листву,
Посыпав инеем тропинки,
Она придумала картинки
И воплотила наяву.

В тиши дворов живет она,
Укрыла звуки, скрыла краски.
А это значит, не напрасно
Октябрь очнулся ото сна.

И снова карканье грачей
Разносится все выше, выше.
Мне кажется, я снова вижу
В окошках блики от свечей.

* * *

Был день обычный. Жара давила.
Но в этот день беспокойно было.
Хотелось видеть немного больше,
Но в этот день все было проще.

Настало утро, сварился кофе.
Лежало платье в старинном кофре.
На вечер бал объявили в зале,
Но нам об этом вновь не сказали.

В обед обедали мы, все тринадцать.
А бал назначен был на двенадцать.
В карете места всем не хватило,
Я там осталась, ты укатила.

Луна огромная висела в небе,
Похожая на краюху хлеба.
А я стояла одна, жалея,
Что двери снова весь день скрипели.

И этот скрип мне напомнил снова,
Что завтра утро покажет новый
День жаркий, будний и безнадежный.
А платье в кофре остынет тоже.

* * *

Когда у меня хорошее настроение,
То осень принимает цвет золота.
А когда на душе скребут кошки,
То осень становится ржавой.

И ржавые листья хрустят под ногами,
Превращаясь в ржаные крошки.

Но когда солнце окрашивает листья
В цвет, любимый всеми людьми,
За который они готовы умереть,
Золотые листья украшают мир.

Но, умирая, они становятся пылью,
Которую некуда деть...

* * *

Не верить в чудеса –
во что же тогда верить?
Над небом – небеса
мне распахнули двери
В чудесный светлый мир.
Не рай, но лучше ада.
Не голоден, не сир,
А большего не надо.

Поверить в чудеса
и стать самим собою.
Взлететь под небеса
И управлять судьбою.
И пламенем гореть,
Чтоб освещать планету.
Чтоб покорились смерть,
Которой в жизни нету.

О, вера в чудеса!
О, детская наивность!
Туманов полоса
На этот мир свалилась,
И в вечности потерь
Одна осталась милость.
Я мудрая теперь,
Я с жизнью согласилась...

* * *

Такой декабрь – своенравный, дикий,
В окно швыряет солнечные блики.
И непонятно, осень иль зима
Пускает стужу в стылые дома.

Вдоль улиц тени черных тополей
Легли на тротуар судьбы моей.
И непонятно, то зима иль осень
Мои мечты за горизонт уносит.

Декабрь пришел, но затаился в тень.
И день сейчас – еще не зимний день.
Скажите мне, то осень иль зима
Подглядывает в стылые дома?

* * *

Шумит вокруг меня огромный мир.
То новости обрушит, то признанья.
Так выглядит в процессе мироздания
Планетный миротворческий посыл.

Но лишь войду я в свой привычный дом,
Все остается за его порогом.
Здесь все в порядке, все лежит под боком.
И мне спокойно и уютно в нем.

Вокруг меня все тихо и светло.
Снаружи ветер только бьется в стены.
А где-то рвутся, словно нервы, вены,
И где-то пол дрожит под головой.

Неслышно мне, как воют старики,
Как дети плачут, как свистят осколки.
В том мире темном очень мало толку.
В том мире лишь палатки у реки.

А мой мир тихий выткан из мечты.
Он создан весь из мыслей и желаний.
И каждый день выходит домотканым
Орнаментом, где дети, внуки, ты.

* * *

Выныриваю утром я из снов.
Пытаюсь вновь их ухватить обрывки.
Они все время ускользают, зыбки,
И не имеют под собой основ.

Неясных образов в снах этих просто тьма.
Теряются в них мысли и намеки.
Все время хочется увидеть их истоки,
Но каждый раз теряюсь в них сама.

Пустые, вещи, похожие на бред,
Они сидят во мне и гложут душу.
Всех снов моих бесчинное безумство
Вливается в поток последних лет.

Да желтый лист, изменивший мир в реке,
Уходит вниз, печальный, одинокий.

Бросает осень на него тоскливый взор,
Пускает рябь на реку легким ветром.

Мне осень ***

Мне этим воскресеньем было скучно,
Нарушились все планы на него. –
Под вечер дружно набежали тучи,
Накрыли крышу дома моего.

Неслышным шагом воскресенье вышло
За двери и укрылось за горой.
А мне хотелось, чтобы стало оно высшим
И было бы наполнено игрой.

И мы бы в парке вместе погуляли,
Ходили б по аллеям просто так.
И этот отдых дружно прославляли,
Ведь воскресенье было как-никак.

Но это воскресенье вышло боком.
И нас оно оставило одних.
А завтра – понедельник, и работа,
И этот не совсем удачный стих...

ПЕЧАЛЬНАЯ ОСЕНЬ

У осени – прозрачные глаза.
И смотрит осень прямо в мою душу.
Дождя ее печальная слеза
Пожар листвы вот-вот уже затушит.

Останутся лишь лужи, и туман
Затянет город в предрассветной дреме.
У осени бездонный есть карман,
В котором, что ни вещь, то не для дома.

Уж золото уходит в никуда,
Оставив ржавчину на тополиных кронах.
Прольется с неба черная вода,
Собрав всю грязь в дорожные затоны.

Собьются листья в кучи во дворах,
Прижмутся к стенам, в воздухе закружат.
У осени опять тоска в глазах,
И кажется, что ей никто не нужен.

Спасенья нет от осени нигде:
Ни в парках, ни в заброшенных беседках.
Лишь только отражается в воде
Круг солнца в ажурно-легкой клетке.

И лебедь одинокий вдалеке –
Как символ умирающей эпохи,

Да желтый лист, нашедший мир в реке,
Уходит вниз, печальный, одинокий.

Бросает осень на него тоскливый взор,
Пускает рябь на реку легким ветром.
Мне осень разонравится с тех пор,
Когда наденет саван свой бесцветный.

Свободная квартира до весны.
Все комнаты пусты, закрыты ставни.
Здесь голоса и звуки не слышны,
А тишина сегодня житель главный.

Лишь по ночам тут шорохи живут,
Скребуются мыши в уголке укромном.
И ждет квартира, когда вновь придут
Сюда жильцы, соскучившись по дому.

А в комнатах пока темным-темно,
И грусть лежит на полках. Все тоскует
О том, что ей тогда, давным-давно,
Не позволяли слезы лить впустую.

Она вздыхает, вызывая сны
О танцах, песнях, вечеринках людных.
Свободная квартира до весны
Всегда готова теплым стать приютом.

Спасенья нет от осени нигде:
Ни в парках, ни в заброшенных беседках.
Лишь только отражается в воде
Круг солнца в ахурно-легкой клетке.

И лебедь одинокий вдалеке –
Как символ умирающей эпохи,

Под ручку с осенью сегодня я гуляла,
Дышала свежим ветром и туманом.
Нас солнце взглядом радостным ласкало
И поливало золотом сусальным.

Ходили мы по скверам и дорогам,
Гуляли меж деревьев на проспектах.
Мы были где-то странны и немодны,
Раз в золото сусальное одеты.

Мы проходили, всюду оставляя
Следы на тротуарах и газонах.
Нас провожали тополя, сияя
Червоным блеском в пожелтевших кронах.

И город в золото по крыши окунулся –
Горят деревья и кусты пылают.
Мы с осенью под ручку, две подружки,
Гуляем, с грустью лето вспоминая.

ПРОГУЛКА

Я выхожу по городу гулять,
Вдыхая воздух с запахом осенним.
Ах, осень, почему же ты опять
Мне чувства охлаждаешь в это время?!

Хотя, чего уже греха таить,
Дела твои всегда непопулярны.
То ливень с неба норовишь пролить,
То холод напускаешь заполярный...

Я, осень, вот чего тебе скажу:
Осталась с нами, так и стань пригожей.
Ведь я с тобою каждый день хожу
По городу, что мне всего дороже.

* * *

Лето закончилось серым дождем
И пожелтело макушками кленов.
Черный ноябрь идет с октябрем –
Хмурый и чем-то всерьез обозленный.

Я почему-то его не хочу.
Пусть бы еще тепло постояло.
Да и зачем поклоняться грачу,
Что прилетел к нам, как в двор постоялый?

С осенью все начинает грустить:
Люди, дома, тротуары, деревья.
Лето прошло, но так хочется жить,
Только не хочется осени верить...

ПРОСНКА

Какая осень – и такие сны:
Мне рыжий клоун строил рожи ночью.
А за окном безумный ветер выл
И проверял жилье мое на прочность.

Я, вспомнив Фрейда, сон прогнала прочь,
Сварила кофе и закрыла сонник.
Закончилась дождем печальным ночь,
А день пришел, как временный поклонник.

Октябрь встретил городской рассвет
И брызжет золотом, что мне почти не снится.
В высоком небе чуть приглушен свет,
Летают листья, облака и птицы...

* * *

Ах, какое оно горячее,
Бабье лето в Таразе, жаркое.
Солнце в небе слишком сияющее,
Облака повисли охапками.

Опадают и сыплются под ноги
Листья кленов, дубов и ясеней.
И от золота их слишком громкое
Отражается имя классика.

Миражи висят над фонтанами,
И колышется воздух флагами.
Тротуар усыпан каштанами...
Вновь Тараз удивляет загадками.

Только осень идет неспешная:
Слишком яркая, слишком здешняя...*

* * *

Как поймешь однажды навсегда,
Мне что не вернуть назад года –
А за в единое мгновенье
И проходит мое время...

Я в глаза не светит яркий свет
Свечи и проблеска надежды нет.
Зависит прольется дождь осенний
А до оплакав мое время...

Остану взойду наверх, спущусь в подвал,
И найду, быть может, идеал,
В не вызвавший сомнений,
Что портят мое время...

но грусть исчезнет без следа,
и истина придет тогда:
я наравне со всеми
живу, рождая время...

Уже похолодало в небесах,
И облака летают, словно перья.
Осенний ветер их развеял в прах,
Чтоб летнее исчезло настроенье.

Но лето не ушло пока от нас,
Горячею рукой плечо ласкает.
Заснет на час полуденный Тараз,
Чтоб вечером принять вороны стаи.

Наполнен воздух ароматом дынь,
На улицах пестро от гор арбузных.
Осенний ветер шепчет мне: «Остынь!»
А мне не хочется опять зимы и стужи.

Но ветер, торопясь, забыл о том,
Что есть приходу осени приметы:
Она покинет свой далекий дом,
Когда мы отгуляем бабье лето.

РЕДАКЦИОННОЕ

Между строк можно много сказать...
Но о чем я скажу между строк?
Мы не можем уже не писать,
Чтоб словами заполнить листок.

Ярких дней пролетит череда –
Разговоры и встречи пройдут.
Свежий номер, планерка, среда –
Снова строки в дорогу зовут.

Черный вечер завис за окном,
Отражая нечеткий мой лик.
Я склонилась над чистым листком,
Заполняя душой черновик.

За неделей неделя летит –
Интервью, разговоры, звонки.
А в окно тонкий месяц глядит,
Освещая пустые листки.

Мои будни порой состоят
Из часов, пролетающих вмиг.
Между строк можно много сказать,
Надо только прочесть черновик.

Неприхотливость не в моде –

Модно вводить в эпатаж.

Слухи сегодня в народе,

Что дорожает кураж.

Эти безумные толки

Вводят в безумство толпу,

Где принимают осколки

За бриллианты во лбу.

Боль прописалась мигренью,

Голос осип в ларингит.

– Люди, отстаньте, болею! –

Мой организм кричит.

Но утонул в равнодушие

Крик изболевшей души.

Модно сегодня кликушам

Верить и боль ворошить.

И бесполезно руками

Тень создавать на стене.

Модно сейчас с кулаками

Драться в свободной стране.

ЛЕГЕНДА ОБ АЙША-БИБИ

1

Бессмертен час, когда настала ночь,
И промелькнула тень в воротах града.
Навстречу жениху сбежала дочь,
За смерть ее назначена награда.

2

...Не чувствуя неласковость борьбы
И второпях ступая прямо в маки,
К судьбе своей не шла Айша-Биби,
Летела, страха потеряв остатки...

3

...А где-то там, на краешке земли,
Не торопясь, шло войско Карахана,
Предчувствуя, что яд степной змеи
Убьет любовь, стремления и планы...

4

...Он, мудрый воин, плакал каждый раз,
Когда искал глазами лик любимой.
Он сразу уходил к ее могиле,
Оставив вновь истерзанный Тараз...

Первый снег... Неожиданно белым
Сделал город за пару минут.
Стали белыми кроны деревьев,
Что весну с нетерпением ждут.

Лишь чернеют на белом вороны
И горланят о счастье своем...
Им уютно гнездиться на кронах –
Любит холод и снег воронье.

Покрывалом холодным и мокрым
Снег покрыл тротуар и газон.
Первый снег – для поэта находка.
Для кого-то он – встречный циклон.

И кому-то покажется странным
Яркий блеск чьих-то радостных глаз.
Первый снег шел по улицам главным,
Сделав белым весь древний Тараз.

ЛЕГЕНДА ОБ АХИША-БИБИ ***

Темно-синий вечер спрятал от меня

Яркие соцветья солнечного дня.

Небо в плотных тучах, блеклая луна,

Тротуар с квадратом желтого окна.

Дом громадой серой стережет покой,

За кустом сирени спрятался чужой.

Тишину нарушил только шорох шин,

Далеко, за домом слышен гул машин.

Вечер навалился вечной маетой:

Сериалом мыльным, выдумкой-мечтой,

Кухня, книжка, кофе, на ночь, перед сном.

И чужой все бродит за моим окном...

...А где-то там, на красшке земли,

Не торопись, милая, не спеши,

Предчуяла, слышала, жалею, жалею,

Убьет раба, раба, раба, раба, раба,

...Он, мудрый воин, плакал каждый раз,

Когда искал глазами лик любимой,

Он сразу уходил к ее могиле,

Оставив вновь истерзаный Тарих...

Фортуна, случай, форт, везенье, пружа -
Названий много, суть одна и та же.
Они мне помогли пройти разлуку,
Моей судьбы охранники и стражи.
А я, опять прощала и прощаю
Дороги, прощала и прощаю судьбою,
Став звездочкой местного замеса,

ГРАФФИТИ

Как понять, что творится во мне,
Какие чувства, мысли? Не скрою,
Я не умею писать на стене,
Как иные: «Люблю тебя, Коля!»

Я давно от тебя без ума,
Влюблена, безнадежно до боли...
Не поверишь, могу написать сама
Эсемэску: «Люблю тебя, Коля!»

Утром ранним лежу на кровати без сна,
Позабыв от любви о покое,
За окном – разрисованная стена.
Я читаю: «Люблю тебя, Коля!»

ДОРОГИ

В моей судьбе есть место провиденью,
Когда решает все бродяга-случай.
И я своей судьбе охотно верю,
Считая: может, будет лучше.
Куда ведут дороги, плохо знаю –
Но раз иду, увижу цель когда-то,
Уверенно шагами измеряя
Дорожные и прочие затраты.

Дорога разная: прямая и не очень,
Ведет меня, влечет к мечте заветной.
Порой в дороге трудно, между прочим,
Бывают неприятные моменты:
Колдобины, преграды и заторы,
Сомнительные встречи, западни.
Я пользуюсь «зеленым коридором»,
И впереди – зеленые огни.

Я много лет была одна на трассе,
Сегодня продолжаю путь в рядах
Своих соратников, с которыми в согласье,
Иду вперед, забыв про риск и страх.
И снова благодарна провидению,
И вновь на случай верный уповаю.
Я цель достигну – в это твердо верю,
Другие варианты отмечаю.

Фортуна, случай, фарт, везенье, пруха –
Названий много, суть одна и та же.
Они мне помогли пройти разруху,
Моей судьбы охранники и стражи.
А я, опять преодолев отрезок
Дороги, предназначенной судьбою,
Став звездочкою местного замеса,
Осталась навсегда сама собою.

* * *

Запах хлеба, аромат духов.

Тихий дом готовится уснуть.

Шорох высыпает из углов

Тихую свою ночную жуть.

Бродит ночь по комнатам одна,

Проверяет узы вещей снов.

Синий свет струится из окна –

На кровати царственный покров.

Бродит кошка, охраняет сны,

Прогоняет духов злых назад.

Ночь проходит тенью вдоль стены,

И уходит в утро без преград.

Наступает новый светлый день.

Тихий дом готовится ожить.

В угол дальний убежала тень,

Чтобы к ночи ужас сохранить.

Запах хлеба, аромат духов

Разлился по комнатам опять.

Ночь сняла загадочный покров,

И ушла на запад отдыхать...

Восьмой день недели –
Не вечер, не ночь.
Луна не зарделась
Сквозь призрачный дождь.

Раскинулся невод,
Но скуден улов,
И жмутся Медведи
К созвездию Псов.

Моргнуть не успела –
Окончилась ночь.
Но как не поверить
Мне в призрачный дождь,

В восьмой день недели,
Умчавшийся прочь?

Без рассуждений примется
И без примет раскрывается.
Непостоянство смирится
С болью молчавшей совести.

И разменяя на мелочи,
Что накопилось сядностью,
Непостоянство вечности
Делится горем с радостью.

* * *

Светлые дни потускнеть не успели,
Спелую вишней упали в ладонь.
Что-то случилось. И свечи горели,
Плавился воск, обнимая огонь.

С птицами лето вдаль улетело,
Песня осталась – как эхо, как стон.
Помнишь, в ладонях синица сидела?
Я никогда не забуду тот сон.

Летом не мерзли открытые плечи,
Ветер был теплым, и грели слова.
С гор опускался призрачный вечер,
Может, поэтому пахла трава?
Плавилась, словно зажженные свечи,
Слов отголоски, ночи синева...

* * *

Непостоянство изменчиво –
То огорчает, то радует,
То, как несчастная женщина,
Меняет терем на пагоду.

Сжигая в пепел желание,
Мешая в деле стремления,
Непостоянство внимания
Лишает жизнь нетерпения.

То цель покажется призрачной,
То мысли гаснут в зародыше.
Непостоянство забывчиво,
И мы чего-то хотим еще.

То день сменяется вечером,
И ночь ложится на голову.
Непостоянство застенчиво
Сытость сменяет голодом.

Без рассуждений примется
И без примет раскроется.
Непостоянство смирится
С болью молчавшей совести.

И разменяв на мелочи,
Что накопилось с жадностью,
Непостоянство вечности
Делится горем с радостью.

* * *

Как нежно утро обдает прохладой
И позволяет свежестью дышать!
Я понимаю – многого не надо,
Чтобы о жизни многое понять.

О том, что расстоянья непомерны,
И только мысленно позволено обнять
Своих родных, которые, наверно,
Помогут в жизни многое понять.

О том, что не любить уже не сможешь,
И вдалеке еще любимей стать
В десятки раз – такое невозможно,
И, может быть, возможно не понять...

Плавилась, словно зажженные свечи,
Слов оттолоски, что в сердце
Уводит в историю
Непостоянство заставляло
Сотворить смену в толдом.

встемнел в инеджусеб
в без прмнет раскрасе
Непостоянство смрнитс
С болью молчаливой совести

времем вв вкнемем
Что накопилось с жадностью
Непостоянство вносит
Делится горем с радостью.

Во мне отразилась весна,
И густо синее в глазах.
Весенних небес глубина
Зовёт полетать в облаках.

Танцую немислимый вальс,
Макушками двигаясь в такт,
И в кружеве луж отразюсь,
Деревья на месте кружат.

Кружащийся вальс тополей,
На лужах – кружащийся пух.
Весенняя песня сильнее
Ласкает и радуется слух.

СТОРОЖ АКЫР-ТАСА

Перекресток. Огромный валун.
Размышления о предстоящем.
Нет коня. И друзья не попляшут,
Не осушат огромную чашу,
Не уснут на дубовом полу.

Не скажу, что раздумывать буду
О дорогах, ведущих окольно.
Я не думаю, что будет больно,
Если раны посыпаны солью,
Той, чей вкус никогда не забуду.

Лишь горело лицо, но желание
Сделать шаг по широкой дороге,
Чтоб никто не судил меня строго,
Не оставили только на Бога,
Подавило сомнения давние.

Что хорошего и что плохого
Задержалось, легло за плечами.
Я пьянел на попойках с друзьями,
Я плясал, я ходил и буянил,
А потом засыпал. Ненадолго.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Не красоты предзимнего дня
Завлекли в Зазеркалье меня.
Это я из Эдема сбежала,
Чтоб попасть в сладкий плен Зазеркалья.

Белых роз золотой аромат,
Что срывал королевский солдат,
Целый день я бездумно вдыхала,
Пребывая в плену Зазеркалья.

Я и правда сама не своя,
В голове потеряла царя,
По тропинкам души заплутала,
Пребывая в плену Зазеркалья.

Выходила, глаза открывала,
Из прекрасного сна Зазеркалья.
И красоты предзимнего дня
Снова в плен захватили меня.

* * *

В этом мире большом и сложном

Все проходит и все возможно.

Я давно все чувствую кожей,

Впрочем, сердцем болею тоже.

Отказаться от жизни непросто,

В ней все так хорошо и вкусно.

Я боюсь обрасти коростой

И боюсь стать ханжой гнусной.

Я боюсь о слова уколоться,

Получить удар, покачнуться.

У души моей цвета солнца

Нет защиты, одни лишь чувства.

В этом мире не все напрасно,

Для чего-то он создан Богом.

Он бывает порой прекрасным,

Иногда бывает убогим.

Не всегда я со всем согласна,

Да, порою кричу, бунтую...

Я бываю и тихой, и страстной –

Принимайте меня любую.

* * *

Зеленый ильм закрыл мое окно,
За ним не видно солнца и людей.
Лишь облако на небе голубом
Плывет куда-то за мечтой моей.

Я не смотрю на солнце. Все равно
Оно уйдет под вечер до утра.
И снова ночь наступит за окном,
Когда угомонится детвора.

В ночи без звезд и снова без луны
Все мысли станут темны и опять
Придут ко мне безрадостные сны,
С которыми придется мало спать.

А за окном все люди – не родня.
Они проходят мимо, до угла.
Они не знают, как зовут меня,
Им все равно, чем раньше я жила.

Лишь темный карагач всегда со мной.
Он тень дает и даже кислород.
Смотрю в окно, а там тоска тоской!
Когда же этот год уже пройдет...

* * *

Ночной прохладой не отравит ночь,
И звездами не освятит пустыню.
Так трудно мне уйти отсюда прочь,
Оставив след на тротуаре пыльном.

В кустах сирени трели соловья
Разносятся над городом тревожным.
Мне кажется, что несвободна я,
А ты считаешь, что всегда стреножен.

Там где-то высоко летит опять
Хвостатая комета над планетой.
Ночной прохладой город мой объят,
Но все равно нигде спасенья нету.

Я эту ночь сто раз переживу,
Зачем-то миновав порог заветный.
И вместе с ветерком переплыву
Наутро в день, бессмысленно бесцветный.

Но в этой суматохе беспробудной,
Я вспомню ночь в сиреневом наряде.
И может быть, обрадуюсь, как чуду,
Не тишине, а благостной прохладе...

2020 ГОД

Проходит все. И этот год пройдет.
И вспоминать мы будем раз за разом
Как молнии пронзали небосвод,
Посыпав огороды мелким градом.

Мы вспомним, как расплавила жара
Асфальт на тротуарах и дорогах.
Как рвали флаги частые ветра.
И комаров, которых было много.

Мы вспомним в пыль упавшую листву,
Что умерла до срока в волнах знойных.
Июльские арбузы на углу,
Фонтан на площади прохладный и огромный.

Но как забыть ужасный карантин?
Людей без лиц, и маски, маски, маски...
Двадцатый год, наверное, один
Такой тяжелый и такой ужасный.

Всех слез и дел желающих прослать
Людьми, готовыми на жертвы и на милость.
Фальшивый блеск благих и добрых дел
Не ослепляет, вызывая горечь.
А мой кунир простой наряд издел
И прочь ушел от нынешних устоев.

Устали мысли, прилегли в углу.
Но все равно им далеко до счастья.
Не хочется ни плакать, ни смеяться,
Ни солнышком плескаться на полу.

В эфире местном все черным-черно.
От новостей рябит в глазах печальных.
Не хочется прослыть сентиментальной:
Устали мысли от всего давно.

И в карантинных буднях утонув,
Я с головой ушла в бездонный омут.
Дождавшись с нетерпением выходного,
Я с мыслями опять пойду ко дну.

Я эту ночь сто раз переживаю,
Зачем-то вспоминаю, стыд же как он!
И в душе, и в сердце, и в уме, и в крови,
Низко, низко, низко, до глубины души,
Иногда, бывает, так и выжигает кожу.
Но в этой суматохе беспорядочной,
Я вспомню ночь в сиреневом наряде,
И может быть, обрадуюсь, как чуду,
Не тишине, а блаженной прохладе...

* * *

Бессмысленно отказывать себе
В простых вещах – таких, как кофе утром.
Бессмысленно противиться судьбе
И делать вид, что счастлива как будто.
Фальшивый шик удачи воскресил
Все выцветшие краски этой жизни.
А в прошлом больше не осталось сил,
Не сохранилось радостных сюрпризов.

Я каждым утром воскресаю вновь
И выхожу из снов своих кошмарных.
Смотрю в лицо безжизненных часов,
Встаю под ширму новостей бульварных.
Фальшивый шик триумфа темных сил
Диктует каждый день свои прогнозы.
И день уже становится не мил,
И в сердце только множатся занозы.

Мне остается только дальше жить,
Надеясь, что закончится фальшивость
Всех слов и дел желающих прослыть
Людьми, готовыми на жертвы и на милость.
Фальшивый блеск благих и добрых дел
Не ослепляет, вызывая горечь.
А мой кумир простой наряд надел
И прочь ушел от нынешних устоев.

* * *

Уходит лето, вдаль уносит много:
Охапки звезд, цветы и жаркость тела.
И будет у него своя дорога,
А впрочем, лето этого хотело.

Уже прохладно по утрам и зябко,
Но по привычке я хожу нагая.
Обычно летом наплевать на тряпки,
В жару неважно, что я надеваю.

Мне этим летом было грустно очень,
И я сидела дома, кисла в зное.
Прошли все мимо мои дни и ночи,
Кривляясь и шагая по наклонной.

Уходит лето прочь и по-английски,
Не захватив с собой мои приветы.
Сижу теперь, просматриваю списки –
Вдруг в них найдется новый адрес лета.

* * *

Наступит осень, как всегда,
по расписанию. И завтра
увидим мы в календаре
уже сентябрьскую дату.
Похолодает на дворе,
пройдут дожди,
промчится ветер.
И в этом самом сентябре
теперь у нас не будет лета.

Но мы оденемся тепло,
чтоб не озябнуть ненароком,
и всем дождям сырым назло
приветим лето у порога.
Уйдет оно не насовсем,
заглядывать к нам будет солнцем.
И в октябре, и в ноябре,
рукой нас солнечной коснется.

А осень что ж? Она пройдет
своей дорогою туманной.
Ведь раз настал ее черед,
перечить ей мы вряд ли станем.

* * *

Под синим небом – твердая земля.
На ней стоят дома, растут деревья.
Под этим небом пробудилась я,
Немного повзрослевшей, но не древней.

Смотрю на этот мир издалека,
Все, что не вижу, представляю снова.
Мне в этой жизни нравится пока
И воздух, и дожди, и тополь скромный.

Под вечер солнце спрячется опять
За горизонт далеко-недоступный.
По этой жизни мне шагать, шагать,
Чтоб получился снимок планом крупным.

Вручу свой ордер в руки мудрецу,
Что следует со мной в конец тоннеля.
Под синим небом крест свой донесу
До адреса, ничуть не сожалея.

И не сомлею от трудов своих,
Которые не всем приносят пользу.
Под вечер день насыщенный притих,
Утихли ветры и умолкли грозы.

И листья на деревьях шелестят
О чем-то, что узнали этим утром.
А я уже который день подряд
Всем говорю, что счастлива, как будто...

* * *

Наступит время рано или поздно,
Когда все сны покажутся живыми.
Они придут по очереди ночью,
И трудно грань увидеть между ними.

Мы будем бесконечно с ними бороться,
Зажгутся звездочки на темном небосводе,
Пройдут бараны мимо чередою.
Я буду ночью думать о свободе,
Мечтая, чтобы сны прошли гурьбою.

Назад меня тянут обещания,
Промчатся вихрем мысли и мгновенья,
Все трещины я изучу в обоях.
Приходят сны, но убегает время.
И догонять его уже не стоит.

Ведь это жизнь, но не фантастика,
Останутся обрывки старых знаний,
В небытие ушедших откровений.
Как истину найти в густом тумане,
Где мы гуляем вместе и не с теми?

Отрывки, лоскутки, лохмотья, мусор –
Витают в промежутках этой были.
Собрать их вместе, чтобы сделать бусы,
Надеть, носить и вновь набраться силы.

А сны смести и выкинуть на свалку.
Пусть даже вещи останутся в забвенье.
Наступит время, и придет закалка,
И буду я опять гулять со всеми.

* * *

Я люблю тебя, безусловно,
Без претензий и предрассудков.
Мы с тобой – стены общего дома.
Без тебя не смогу и минутки.

Я люблю тебя так, что однажды
Не представляю, как жить одиноко.
Мне с тобой предназначено дважды
Пережить свою участь без срока.

Я люблю тебя. Сильно. Бессильны
Здесь наветы, и сплетни, и слухи.
Все они бестелесны, субтильны,
Я сумею их козни разрушить.

* * *

Отправлено сегодня сообщение,
Что скоро прибывает мое счастье.
Оно прибудет точно и по времени,
Мы будем бесконечно с ним общаться.

Счастливые года, а не мгновения,
Счастливые улыбки, не случайные.
Я раньше всех встречала не ко времени,
Назад меня тянули обещания.

Все самолеты прилетают вовремя,
Взлетают исключительно по графику.
Дожить до этого момента все же стоило,
Ведь это жизнь моя, а не фантастика.

Мне кофе сварит и подаст в постель,
Погладит лоб заботливой ладошкой.
А я рисую. Теплую постель
Не развлекаю темнотой бездонной.

Мой день уйдет. Наступит утро ясное.
Печаль покинет комнату пустую.
Не помню святое имя всуе,
Еще на кофе зерна нанюхав.

Снова сон. Он граничит с явью:
В тихом городе снег идёт.
Мне зимой по душе и приятно
Посмотреть на снежинок полёт.

Нарядились в невестины платья
Тополя и все елки вокруг.
Снежный сон. Он граничит с явью,
И проснуться удастся не вдруг.

День пройдет не один, я знаю,
Что морозы придут потом.
Снежный сон. Он граничит с явью,
Мой прекрасный и зимний сон...

* * *

Пью кофе на исходе ноября,
Стучится в окна ветреный декабрь.
Весь мой багаж уже на дебаркадер
Сложила чья-то крепкая рука.

Вкушаю горечь пряную опять,
Без сахара и молока на печень.
Ничто не исцелит и не излечит,
Да и лекарство это не достать.

Воскресный день уходит в никуда,
Я провожу его печальным взглядом.
Как хорошо, что мой любимый рядом,
И не уйдет на запад никогда.

Мне кофе сварит и подаст в постель,
Погладит лоб заботливой ладонью.
А я рисую. Теплую пастель
Не разбавляю темнотой бездонной.

Мой день уйдет. Наступит утро вновь.
Печаль покинет комнату пустую.
Не помяну святое имя всеу,
Еще на кофе зерна намолгов.

* * *

Какой простор для глупостей веселых!
От горизонта до Кыргызских гор
Не обозреть открывшийся простор,
Лишь стать на время честным новоселом.

Лежать в траве в предгорье, отдыхать,
Смотреть на небо в облаках нежнейших.
Забыть о том, что вновь наступит вечер,
Но утро не захочется проспать.

А мне все глупости приходят по утрам,
Не удастся следовать уставу.
Зачем на завтрак чай на плитку ставить,
Когда журчит ручей: «Ступай к горам!»?

Я горы наблюдаю вдалеке
Из кабинета, из окна в машине.
И вспоминают отдых свой в ложбине
Меж двух вершин на вольном ветерке.

И все потом мне снилось по ночам,
Как я иду наверх, спешу навстречу
Своей мечте, а в небе бесконечном
Мне Млечный Путь дорогу намечал.

Синий туман, снежинки, мороз –
Я не в реальности, я где-то между.
Кто-то случайно меня перенес
В зимнюю сказку в городе снежном.

Мне невдомек, почему? Ну и что ж,
Я все равно с каждым годом все реже
В сказке бываю. Но это не ложь –
Зимняя сказка в городе снежном.

Время безжалостно, если живешь
Без волшебства, без чудес суперсвежих.
Я же попала в скопище звезд,
В зимнюю сказку в городе снежном!

НАШЕМУ ЛЕВОЧКЕ

Он встречается каждый день улыбкой,
С оптимизмом смотрит на меня.
Мой малыш веселенький и пряткий,
Без него мне не прожить и дня.

Бегает по комнатам, смеется,
Радость оставляет за собой.
Мой малыш сияет словно солнце,
Словно лучик, теплый и живой.

Ни минуты не сидит без дела,
Поиграет, посидит, поспит.
А потом дотошно и умело
Всю свою работу завершит.

Он с утра до вечера гуляет,
В каждой комнате проверит все углы.
Левушка давно прекрасно знает,
Что ужасно деловые Львы.

И все потом мне снилось по ночам,
Как я иду наверх, слышу изастреху
Своей неkte, а в небе бесконечном
Мне Млечный Путь дорогу намечал.

* * *

Я каждое утро сажусь в салон
Автобуса номер шестнадцать.
И каждое утро движется он
По улицам узким таразским.

Мелькают за окнами, как миражи,
Дома, магазины, витрины.
Автобус по улицам не бежит,
Он тащится миной глубинной.

В толпе пассажиров не видно людей –
Одни силуэты и маски.
Лишь мысли витают, и вздохи, и гнев,
Господствуют темные краски.

А сорок минут в пути упадут
На душу в беспечной дремоте.
Я завтра опять к остановке приду,
Чтоб вовремя быть на работе.

НАШЕМУ ДЕТСТВУ

Мотор! Поехали! И дальше в никуда...
Не видно горизонта за горами.
Лишь в арыках журчащая вода,
Да тополя стоят над арыками.

Любимый город постоянно мне
Рассказывает о себе прошедшем.
А я живу не в городе. Извне
Все наблюдаю о глубоком детстве.

Сейчас над городом висит густой туман.
В нем замерли дома, и птиц не видно.
Мотор! Поехали! Пора всем по домам,
Ведь прошлому за нас ужасно стыдно.

Мы детство не сумели сохранить...
Сберечь его и донести вживую.
Нам остается целый век прожить,
О старом городе исчезнувшем тоскую.

* * *

Зачем-то тревожится небо,
Нахмурилось, разволновалось.
И тучи свинцового цвета,
И снега совсем не осталось.

Восход утонул постепенно
В размытом тумане бесследно.
Все стало унылым и серым,
А день – неожиданно бледным.

Что будет на завтра – неясно,
Хоть утро всегда мудренее.
Мне кажется, что не напрасно
Вороны меж тучами реют.

* * *

Алый восход – начинается день,
Снова приходит мое воскресенье.
Переживания в нем и сомнения,
Легкой печали и горести тень.

Солнце взойдет и утонет опять
В небе бездонном за снежную тучей.
Кажется, день обещал быть и лучше,
Только приходится вновь замерзнуть.

Лужи сковало предательским льдом,
Обувь скользит и скользит по дороге.
Снова озябли и руки, и ноги,
И не согреет ни шаль, ни пальто.

Алый восход, я тебя не ждала,
Пусть бы свободно вставало светило.
Ах, как же раньше прекрасно все было –
Солнечный свет, небо, люди, жара...

* * *

Сколько верст мне осталось, не ведомо.
Сколько точек в моем сочинении.
Я живу, я дышу, я вредная,
Правда, действую в третьем склонении.

Применяя все правила в точности,
Даже те, что забыла со временем,
Я живу, я бреду в меру срочности,
Невзирая на взгляды и мнения.

Сотню вех рассмотрела придирчиво
И отметила мелкие трещины.
Я живу, я дышу, пусть и сбивчиво,
Ведь на то я обычная женщина.

В середине пути трудно выдохнуть,
Сердце бьется, как птица, естественно.
Я иду, я дышу, чтоб себя вернуть
В этот мир, где жила беззастенчиво.

* * *

Привет, февраль! Я так скучаю
По холодам и по морозу.
Сегодня дождь пошел случайно,
Чтоб раньше расцвели мимозы?

Скупые капли по окошку
Стучат размеренно и сонно.
Февраль, ты поспешил немножко,
Весна должна быть по сезону.

Но что-то сбилось в этом мире.
Запуталось и растерялось.
Льет дождь. Зима совсем забыла,
Как мы все ею любовались.

ОБНАЖЕНИЕ ДУШИ

В мою печаль вплетается покой.
Отрадной мыслью стало только это
И откровением, что я в любви с тобой
Осталась прежней, радостной и светлой.

Поэтому печаль моя светла,
И вызывает не слезу – улыбку.
Я тридцать лет с тобою прожила
В любви ответной и отчасти пылкой.

Печаль мою не видно никому.
Ее все принимают за холодность.
И лишь тебе, любимый, одному
Так по душе моя неоднородность.

Во мне живет та девочка опять,
Что выросла в деревне под горами.
Какое счастье – лето вспоминать,
Когда спала с молочками усами.

* * *

Все свободны и несвободны.
Выбор есть, но закрыты двери.
Мы одной высокой породы,
Мы едины в высокой вере.

Все слова хороши и понятны.
Все поступки легко объяснимы.
Но на солнце заметны пятна,
А мы сами – легко ранимы.

Пережив все большие беды,
Часто дуем теперь на воду.
В молоке замечаем пену –
Навсегда уже несвободны.

С каждым шагом все ближе к цели,
Только цель все дальше и дальше.
Мы едины в высокой вере,
Никогда не познав удачи...

Сегодня вечер теплый, как парное молоко,
Которое когда-то я пила в деревне.
Луна висела в небе высоко,
И мир казался сказочным и древним.

Все наполнялось сказкой, волшебством:
И август на исходе, и звезды в темном небе.
Я этот мир впитала с молоком
И только испеченным в печке хлебом.

Я выросла быстрее, чем горы вдалеке.
И стала мудрой. Только это чудо,
Что мой характер креп на теплом молоке,
Когда никто не знал, какой я буду.

Никто не знал, что небо, и луна,
И август на исходе западут мне в душу.
Та ночь ушла, но мне запомнилась она,
Мой прежним мир весь вывернув наружу.

Во мне живет та девочка опять,
Что выросла в деревне под горами.
Какое счастье – лето вспоминать,
Когда спала с молочными усами.

РЕЮТ ФЛАГИ

Реют флаги под мартовским небом –
Голубое на голубом.
Солнце яркое радостно слепит,
Бьет лучами почти напролом.

От погоды немного балдеешь,
Подставляя лицо ветерку.
Тополя проплывают, как реи,
И приходится быть начеку.

Если в городе март наступает,
То ему все уже нипочем.
Ветром мусор кругом разбросает,
И польет его стылым дождем.

Вспомнит старое-старое танго
Да окружит туманом ночным.
Дремлют только авто на стоянках,
Притворившись железом пустым.

Ах, весна, как ты нынче гуляешь!
Ни тепла от тебя, ни цветов.
Что ж тогда по аллеям шагаешь,
Если снег не сметаешь с кустов?

И зачем ярко солнышком светишь,
Если шубу снимать не даешь?
Вновь забрав все мечтанья о лете,
Ты за снежные горы уйдешь.

* * *

Капелькой дождя в розовом тумане
Наступило утро мартовского дня.
Хочется желать, что уже настанет
Новая весна только для меня.

Впрочем, пожелать то же для другого
Нужно непременно, чтобы стать добрей.
Капелькой дождя возродилась снова
Светлая череда ярких, теплых дней.

Постепенно находится время
Для себя. И, проблемы забыв,
Я решила простую дилемму,
Почему позволяю надрыв.

Нужно просто на время забыться,
Вспомнить лица подруг и друзей.
Мне никто из них даже не снится,
Потерялись они среди людей.

Время движется дальше и дальше,
Забирает с собой все подряд.
Становлюсь я мудрее и старше,
Но зачем возвращаться назад?

Почему все считают, что раньше
Жизнь была не такой, как сейчас?
Каждый час мне является траншем,
Ценен каждый полученный шанс.

Время нам подчиняется редко.
Если все же найти удалось
Дополнительный шанс – пятилетку,
То прожить ее надо всерьез.

В полный рост, полной грудью и горстью
Зачерпнуть все богатства свои.
В этой жизни я все-таки гостя,
В ней все блага и шансы – мои!

Горы и крыши на горизонте,
Кажется, выше уже не подняться.
Синее небо, тучи на фронте
Белым туманом обманным клубятся.

Ветер беспечный носится рядом,
Птицам взлететь не дает поднебесье.
Горы и крыши – вечные гряды.
Я каждый день наблюдаю их вместе.

О ВРЕМЕНИ

Целый миг, безграничную вечность
Вперед видеть может великий.
Здесь преступна любая беспечность,
Здесь все вместе, и вместе – безлики.

Пропустив сотню тысяч мгновений,
Промелькнут все столетия разом
Сколько можно прожить в безвременье,
Чтоб сложить разномастные пазлы?

И останется лишь сожалеть
О бездарно прожитых минутах.
Время будет все так же лететь,
Не меняя свои атрибуты.

Жизнь была не такой, как сейчас?
Каждый час мне является траншея,
Ценен каждый полученный шанс.

Время нам подчиняется редко.
Если все же найти удалось
Дополнительный шанс – пятилетку,
То прожить ее надо всецело.

В полный рост, полной грудью и горстью
Зачерпнуть все богатства свои,
В этой жизни я все-таки гость,
В ней все блага и шансы – мои!

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Под мерный стук дождя проснулся древний город
И шорохом машин неспешно влился в день.
Весеннего дождя обычно век недолог –
Уйдет, полив газон, иссякнув, насовсем.

В обилии зонтов не видно лиц прохожих,
Улыбки скрыла сеть вуали из дождя.
А в лужах утонул мой дом, спастись не может,
Да так и простоит он до заката дня.

И дождь идет, звучит мотивами минора,
Так грустно на душе, что хочется уснуть.
За окнами живет промокший древний город,
Как хорошо, что он не может утонуть.

Прошло сегодня много, много дней,
И лет прошло немало, пролетело
Столетий, и не стала жизнь длинней,
Осталось то, что сохранить сумела.

Синеет небо над моею головой,
И солнце светит жарко, словно летом.
В тени акаций год проходит мой,
Но я не всем уже признаюсь в этом.

Уходит год за годом в никуда,
Порой не оставляет даже память.
А я хочу хранить свои года,
Хочу еще себя для них оставить.

Мне впереди осталось много лет,
И зим, и весен, и осенней хмари.
День пролетел сегодня. Завтра свет
Мне новый день еще один подарит.

Так хочется прекрасных добрых лет,
И честных, и душевных комплиментов,
И радостно прожить свой длинный век,
Чтоб были в нем счастливые моменты.

ИЗ АДА – В САД

Прошел закат, и ночь за ним прошла,
Настал рассвет, на горизонте солнце встало.
Наверное, я больше прожила,
Чем в судьбоносной книге прописала.

Но если суждено прожить сто лет,
То смысла нет спешить и суетиться.
Уж солнце встало, пропустив рассвет,
И следует мне жить, творить, светиться.

Мои слова услышат и возьмут
За правило прислушиваться к мольбам.
Я буду жить, как правильно живут
Те, кто не путает «радостно» и «больно».

Сойду с тропы, ведущей в вечный ад,
Ступлю на путь служения Вселенной.
Я знаю, где цветущий Райский сад,
Где все вокруг прекрасно и нетленно.

ВЕСЕННЕЕ

Шумит апрель на улице ночной,
Шумят машины, люди, дождь весенний.
А я смотрю в окно на город мой
И счастью своему готова верить.

Наступит утро. Я проснусь. Волной
Ворвется свежий ветер в нашу спальню.
Ты будешь рядом. Это, милый мой,
Покажется мне не совсем реальным.

Я не привыкла быть вдали. Одной
Мне очень грустно и порой печально.
И чтобы не скучать, я, милый мой,
Все глубже погружаюсь в быт банальный.

А город все шумит. Весна идет...
И скоро май наступит мне на пятки.
Смотрю на окна, на ночной полет
Летучих мошек, облаков остатки.

На площади центральной все цветет,
Наутро одуванчики раскрасят
Газоны, арыки. А небосвод
Взлетит за облака каурой масти.

Мне в этой жизни крупно повезло,
Возможно, будет так уже надолго.
Шумит апрель веселый всем назло,
И дождь идет – неспешно, с расстановкой...

Рассказы

– Жарко, – выдохнул Андрей, выйдя из комнаты и взглянув в окно.

В комнате сразу стало уютнее, но в полумраке, наполненном шумом ее, появилось что-то тяжеловатое.

– Так о чем мы говорим?

Его собеседник сидел на стуле у рабочего стола и крутил в руках массивную, давно вышедшую из строя металлическую зажигалку, обычно занимавшую свое место среди бумаг и различной полезной и бесполезной мелочевки.

– О тебе, Петруша, – ответил друг детства, всегда готовый прийти на помощь и даже подставить свое не совсем широкое и совсем не крепкое плечо.

– Ты мне хочешь что-то предложить? – поинтересовался Болотов. – Одно деловое предложение, в результате которого в чуть было не лишился последних сбережений, у тебя уже было.

– Что ты, Петя! – воскликнул Алеша. – Я просто пришел попросить взять у меня на хранение одну ценную вещь. Понимаешь, завтра у меня самолет – уезжаю на пару месяцев по делам. Дома Юлька, дети, сам знаешь – никак о них не спрячешь, а у тебя сейф надежный, охрана. Я завтра завезу, сделай одолжение, будь другом, пусть у тебя полену.

Алешины глаза забегали, и Болотову это очень не понравилось.

– Что за вещь? – как бы между прочим поинтересовался он.

БРЕД

1

– Жарко, – выдохнул Болотов и задернул желтую занавеску на окне.

В комнате сразу стало уютнее, но в полумраке, наполнившем ее, появилось что-то тяжеловатое.

– Так о чем мы говорили?

Его собеседник сидел на стуле у рабочего стола и крутил в руках массивную, давно вышедшую из строя металлическую зажигалку, обычно занимавшую свое место среди бумаг и различной полезной и бесполезной мелочевки.

– О тебе, Петруша, – ответил друг детства, всегда готовый прийти на помощь и даже подставить свое не совсем широкое и совсем не крепкое плечо.

– Ты мне хочешь что-то предложить? – поинтересовался Болотов. – Одно деловое предложение, в результате которого я чуть было не лишился последних сбережений, у тебя уже было.

– Что ты, Петя! – воскликнул Алеша. – Я просто пришел попросить взять у меня на хранение одну ценную вещичку. Понимаешь, завтра у меня самолет – уезжаю на пару месяцев по делам. Дома Юлька, дети, сам знаешь – ничего от них не спрячешь, а у тебя сейф надежный, охрана. Я завтра завезу, сделай одолжение, будь другом, пусть у тебя полежит.

Алешины глаза забегали, и Болотову это очень не понравилось.

– Что за вещичка? – как бы между прочим поинтересовался он.

– Книга. Старинная. Раритет. Будет время – расскажу. Так ты не против? Ну вот и ладненько.

К Алеше вернулось хорошее настроение, и он выбежал из кабинета.

Болотов проводил друга долгим взглядом, покачал головой, поднял трубку телефона, подержал ее на весу, положил на место, поставил на стол зажигалку, брошенную Алешей на стуле, вышел из кабинета и пересек небольшую приемную, бросив молоденькой секретарше: «На объект».

На залитой августовским солнцем улице было еще жарче, чем в помещении «Стройтреста». Машина и водитель, как всегда, отсутствовали. «Разгильдяй, совсем распустился, – подумал Болотов, – пора менять». За его спиной раздался шорох шин и веселый голос разгильдяя:

– Извините, Петр Петрович, на заправке очередь. Куда едем?

– Домой, Вася, обедать.

Болотов устроился на заднем сиденье.

– Ну, домой так домой, – легко согласился Вася, и жигули понеслись в тихий зеленый район города, где в глубине двора стоял уютный особнячок.

– Заедешь за мной через час, – распорядился Болотов, вышел из машины и не спеша зашагал по дорожке, аккуратно выложенной плиткой.

В прихожей его встретила красивая, добрая, заботливая жена Алена. Многие удивлялись, когда она выбрала в спутники жизни именно Болотова.

– Что-то ты рано сегодня, – заметила Алена. – Кольку я к маме на дачу отвезла. Может, все-таки передумаешь, и мы вместе отдохнем? Совсем ты стал у меня хилым и грустным, а на море набрался бы сил, и настроение бы поднялось. Ну неужели тебя в твоей конторе заменить некому?

– Заменить есть кому, – отвечал Болотов, вытирая полотенцем руки, – но скоро сдача объекта, и мне просто необходимо при этом присутствовать. Так что ты поезжай одна,

а через пару недель я прилечу, и тогда уж мы вместе будем наслаждаться красотами Греции.

– Хочу Крит увидеть, – мечтательно протянула Алена.

2

Алеша, как и обещал, пришел на следующий день с утра, держа в руках кожаный портфель. Он сел на стул, положил портфель на колени и молча посмотрел на Болотова.

Болотов снова обратил внимание на испуганные глаза друга и спросил:

– Ну, что у тебя там за раритет?

– Вот, – Алеша извлек из портфеля потрепанную книгу. – Я ее на чердаке нашел. Разбирал вещи. Юлька все уши прожужжала: разбери да разбери, столько там всего набралось. Я и стал разбирать позапрошлым воскресеньем, на рыбалку не поехал из-за этого, этой... – на Алешином лице обозначилась гримаса, явно соответствовавшая его отношению к «этой».

– Чего там только не было: рамы от картин, старый патефон, ночной горшок – от прадеда, наверное, остался, шкатулка с бумагами, письма какие-то, я прочитать не смог – по-русски, но с ятями. А на дне, под барахлом старым, – эта книга. Я открыл ее, обалдел – абракадабра какая-то. Попробовал первое слово прочитать, чуть язык не сломал, а там все такое. В общем, старье я вынес на свалку, а книгу положил в свой стол. Ночью встал, пошел в кабинет, свет зажег, достал книгу. Окно было открыто, через дорогу, напротив, на скамейке молодежь развлекалась. Я книгу взял и стал первую попавшуюся строчку читать вслух. Тут во дворе собака моя как взбесилась, лаять стала, молодежь завопила, разбежалась куда-то, я в окно выглянул, вижу – по улице медведь бежит и орет. Откуда медведь? У нас в городе и зоопарка-то никогда не было, и лес далеко. Страшно стало. Понял я, что книга эта непростая. Вот и решил – пусть она у тебя в сейфе полежит от греха-то...

– Может, ее показать кому? Специалистов поискать. У нас в городе краеведческий музей есть, – предложил Болотов.

На лакированной поверхности стола книга выглядела особенно ветхой. Старинный переплет чудом сохранил следы позолоты и только две замысловато выведенные буквы – Е и К.

– Как – показать? – удивился Алеша. – Да кто мне поверит? Да меня ж сразу в психушку определяют! Ты-то хоть мне веришь?

– Не знаю... – пробормотал Болотов.

«Может, правда, Леху психиатру показать. Что-то уж больно его рассказ на бред смахивает... А разве ты от него в последнее время слышал что-нибудь, кроме бреда? Но то были бредовые деловые предложения, а теперь... Н-да, попал ты, Петенька...» – думал он, но вслух сказал:

– Хорошо, пусть пока эта книжица у меня полежит, а ты поезжай спокойно, работай.

Алеша после этих слов прямо-таки воспрянул духом и долго жал Болотову руку. От избытка чувств Алешины глаза увлажнились, и он не вышел – вылетел из кабинета. Болотов же взял раритетную книгу, осмотрел со всех сторон, хмыкнул, открыл сейф, положил на полку с документами и забыл о странном разговоре с Алешей.

3

– Петр Петрович, сегодня вы должны присутствовать при сдаче объекта, – молоденькая секретарша Светочка стояла возле стола и подсовывала Болотову документы на подпись.

Болотов читал, подписывал, подчеркивал, откладывал листы в сторону, а сам думал: «Уже две недели прошло. Алена, наверное, исходила весь Крит вдоль и поперек, а я все сижу в захолустном городишке, и делам не видно ни конца, ни края. Нет, брошу все и поеду. Черт, что это я написал?» – он жирно зачеркнул «поеду» и вывел размашистое: «В бух.». Бумаги у Светочки закончились, она закрыла папку и продефилировала в приемную, где, ожидая аудиенции с начальством, томились сотрудники треста.

Болотов остался один. На объект ехать было рано, и он решил проверить документацию. Открыл сейф, и ему на глаза сразу попала раритетная Алешина книга, рядом с которой лежала нужная папка. Болотов потянул папку на себя, книга, зацепившись за картонную обложку, соскользнула с полки, взмахнула страницами, как крыльями, и, распластавшись, легла у ног Болотова. Он взглянул на нее, поднял и стал читать. «Действительно, абракадабра, язык свернуть можно». Вдруг грянул звонок телефона, и Болотов схватил трубку.

– Слушаю...

– Петенька, я приехала, – в трубке журчал Аленкин голос.

– Когда приехала?

– Только что. Поняла, что не дождусь. Обошла Крит вдоль и поперек, без тебя скучно, и Минотавра нет. Я уже дома и жду тебя с нетерпением. Целую.

Болотов сидел обалдевший, прижав трубку к горящему уху и продолжая вслушиваться в прерывистые гудки. Потом вскочил, сгреб все бумаги в портфель, вышел из кабинета, бросив молоденькой секретарше привычное: «На объект».

Вася был на месте. Через пять минут Болотов уже прижимал к груди загоревшую, похудевшую и счастливую свою Аленушку. Она усадила Болотова за стол, накормила, потом, бегая по комнатам, рассказывала о греках, греческих нравах и таможенниках, а Болотов, сидя в кресле, слушал ее, ничего не понимая и глупо улыбаясь.

Сдача объекта – нового торгового центра – прошла торжественно и, как всегда, закончилась банкетом, с которого Болотов вернулся, еле держась на ногах. Алена, женщина понятливая, встретила мужа весело, уложила на диван, а сама удалилась в спальню.

Глубокой ночью Болотов проснулся, будто кто-то его толкнул. Он поднялся с дивана, заглянул в спальню, убедился, что Алена спит, и пошел в кабинет. Чувствовал себя бодро, голова была ясная. Он распахнул в кабинете окно, вдохнул

прохладный, пахнувший свежей травой и фиалками воздух, посмотрел на полную луну, затем сел за стол и стал вытаскивать из портфеля документы, с которыми так и не успел поработать вчера. И тут ему в руки попала та книга, старинная, в ветхом кожаном переплете. «Странная книга», – подумал он.

Когда Болотов взял ее в руки, будто ток пробежал по его жилам. Он раскрыл книгу и начал громко, как в бреду, читать первую попавшуюся строчку. Непонятные слова произносил так, словно всегда знал, как их надо произносить. Голос гремел, в ушах у него звенело, в глазах плыло.

Вдруг наступила тишина. Во дворе завывала невесть откуда взявшаяся собака – никогда у Болотовых не было собак. Он медленно положил книгу на стол и, еле передвигая ноги, пошел в спальню. В спальне все было как всегда, вот только Алены видно не было. Болотов приподнял одеяло, Алены под ним не оказалось, а сидела там лягушка и смотрела на него испуганными глазищами. От этого взгляда у Болотова мурашки поползли по спине, и показалось ему, что глаза у лягушки, ну точно как у Алены.

– Где Алена?! – хотел он заорать, но из горла вылетело только хриплое шипение.

Болотов выбежал из комнаты, помчался в кухню, заглянул в ванную, в кладовую – Алены нигде не было. Он стоял посреди ярко освещенного коридора и гнал от себя страшную догадку. «Неужели?.. Но так не может быть... Это бред, сон... Утром проснусь – все будет как всегда...» Болотов что было силы ущипнул себя за ногу. Ощутил боль, но не проснулся, и ему стало еще хуже. Болотов схватил себя за волосы, прижался спиной к холодной стене, потом медленно сполз по ней на пол. «Ну что я за дурак такой! Ничему меня жизнь не учит», – тут он вскочил и побежал в спальню. Лягушки на кровати не было. Болотов проверил все углы, заглянул под шкаф и под кровать, зачем-то отодвинул от стены кресло.

Лягушка, зеленая, с огромными Аленкиными глазищами, исчезла бесследно. «Ушла... Но куда? Где ее искать?»

– В болоте, – произнес писклявый голос.

Болотов посмотрел в угол, из которого донёлся странный голос, – там на корточках сидел субъект, при виде которого в разгоряченной голове Болотова пронеслись сотни мыслей, и среди них – ни одной путной. Если бы кто-нибудь попросил Болотова описать внешний вид этого субъекта, то ничего бы не добился, потому что никакого внешнего вида не было. Запомнились только глаза, горящие, как у кошки.

– А где ж ей еще быть? – продолжал неизвестный. – Лягушка должна жить в болоте. Чем это она тебе так досадила, что ты ее в лягуху-то?

– Кто ты? – наконец смог произнести Болотов, язык его царапал небо, будто превратился в терку.

– Я? Ну что за люди нынче пошли – леших уже не узнают. Леший я. Всегда здесь жил, да не показывался вам. А вот услышал заклинание, дай, думаю, покажусь. Смотрю – сокрушается человек, что жену – в лягуху-то. Помочь надо. Ведь только я и смогу отыскать ее среди болотных лягушек, а ты мне за это нашу книгу вернешь. Случайно она на чердаке оказалась, ваш человек ее и взял, не подумавши. А людям в ту книгу заглядывать незачем, она нам принадлежит с начала веков. Мы медведю тому облик человеческий вернули. Он ведь так ничего и не понял, даже спасибо не сказал, убежал. Быстро так убежал.

Болотов слушал лешего и ждал, когда кончится этот страшный сон. Какой медведь? Какая книга? Он понял лишь, что старинную книгу нужно отдать лешему, тогда он вернет Алену.

– Правильно мыслишь, мил человек, – ответил леший. – Ты сильно не сокрушайся, я мигом обернусь, а ты пока книгу приготовь, – и леший растворился в углу, как будто его и не было.

Болотов пошел в кабинет, взял со стола книгу и вернулся в спальню. Он ждал целую вечность, уставившись в угол. По-

том увидел, что воздух в углу начал густеть и, собравшись в комок, вытолкнул из себя лешего, на его большой лохматой ладони сидела испуганная лягушка.

– Вот она, лягуха твоя. Сейчас я ей облик сменю, а ты мне книгу отдай. Нет, из рук я взять не смогу, на пол положи ее. Вот так. А теперь твоей женушкой займемся.

Он встал в углу, и в комнате зазвучали странные слова, они гудели, как колокола, и Болотов увидел, что роста леший огромного, под потолок.

А когда наступила тишина, угол был пуст. Болотов медленно повернул голову и посмотрел на кровать. Там, не двигаясь, тихо, как младенец, спала жена. Болотов погладил ее по голове, вышел в гостиную, лег на диван и провалился в забытье...

Утром он ничего не мог вспомнить.

4

– Жарко, – выдохнул Болотов и задернул желтую занавеску на окне.

В комнате сразу стало уютнее.

– Так о чем мы говорили?

– О тебе, Петруша, – ответил Алеша.

Почему-то Болотову это не очень понравилось.

...ЧТОБ УТОЛИТЬ...

Когда на улице громко щебечут воробьи, предвещая потепление, и небо становится таким глубоким, что трудно разглядеть в нем хотя бы одно облачко, поневоле начинаешь думать о грядущих переменах. Но проходит несколько дней, опускаются руки, тускнеют глаза, а знакомые стараются проскочить мимо, чтобы не выслушивать стенания о несправедливости и прочих «прелестях» жизни.

Проведя ночь в раздумьях о том, как жить дальше, Света уснула под утро. Разбудил ее телефон. Она подождала, пока на том конце провода иссякнет терпение, но телефон звонил, звонил...

Кое-как поднявшись и не найдя поблизости халат, Света в одной рубашке проковыляла к телефону, подняла трубку и рявкнула: «Да!»

– Спишь? – Зинка ничуть не удивилась такому обращению, за годы дружбы она привыкла ко всему. – У меня к тебе дело. Время есть? Я сейчас приду.

– Хорошо, приходи, – обреченно согласилась Света.

Трубка прерывисто загудела, давая понять, что неплохо бы ее вернуть на место. Света упала в глубокое кресло. Нежившийся в нем темно-серый персидский кот Руська пронзительно мяукнул, вывернулся и спрыгнул на пол. Кот недовольно взглянул на хозяйку и, нервно подрагивая хвостом, ушел в спальню – досыпать на кровати. В это время грянул звонок на входе.

Зинка влетела в прихожую свежая, веселая, довольная собой и жизнью:

– Слушай, я вчера с таким мужиком познакомилась! Ты упадешь, когда увидишь. Я сразу подумала о тебе: ты одна, а у меня Владька. Куда мне его девать? Так, иди одеваться, рисуй лицо – мы едем на дачу!

«Ну вот, – думала Света, – опять она взялась устраивать мое будущее... Сколько раз я ей говорила, что мне противопоказана семейная жизнь. Так нет, нашла опять какого-нибудь хлыща, напредставляла себе черт-те что и пытается преподнести как съедобное блюдо... На дачу поеду, а хлыща и пробовать не буду, пусть Зинка им сама давится. А куда она Владьку собирается девать?..»

– А куда ты Владьку собираешься девать? – громко спросила Света из ванной, без энтузиазма разглядывая свое отражение в зеркале. «И куда все пропадает? Еще недавно была такая молодая и красивая, а сейчас только красота и осталась. Нет, нужно что-то делать. На шейпинг пойти?..»

– Как куда? – отозвалась Зинка, снимая Руську с кровати. – Он с нами поедет, обещает накормить всех шашлыками.

Света попыталась представить Владьку, размахивающего опахалом над мангалом, и хихикнула. Не могла она себе этого представить. Никогда Владька не жарил шашлыки. Он всегда напоминал огромную круглую планету, вокруг которой с бешеной скоростью крутился спутник – Зинка. Значит, случилось что-то выдающееся, раз Владька, проявлявший свое рвение только на службе в своем УВД, зашевелился.

– Слушай, Зин, что случилось? Я помню только один раз, когда Владик суетился вне службы – во время ухаживания за тобой.

– Ты задаешь преждевременные вопросы, – сказала Зина, с удовольствием глядя на аккуратно застеленную кровать – редкое и непривычное явление для спальни Светы. – Ну как, готова? Пошли, Владька не может долго ждать. Позавтракаем на даче, я кофе в термос налила и бутерброды приготовила.

– Я Руську с собой возьму, – сказала Света. – Пусть на природе порезвится, а то он уже год нигде не был.

– Бери, у нас там мышей полно, пусть половит.

– Нет, он у меня кроме «Вискаса» ничего не ест. Да, «Вискас» надо по дороге купить! Я котом дорожу, это мой самый близкий человек...

– Да пошли же, – взмолилась Зинка. – Горе ты мое!

Машина стояла у самого подъезда и всем своим видом излучала Владькино неодобрение: можно и побыстрее собираться, на дачу едем, не на конкурс красоты. Руська с любопытством выглядывал из своей дорожной корзинки, а когда очутился в салоне, закопошился и попытался вырваться наружу, но, получив от хозяйки легкий шлепок по плоской морде, затих и всю дорогу лежал молча, размышляя о своей нелегкой кошачьей судьбе.

То, что Зинка села сзади, было крайне нехарактерно, – для этого должны были бы наступить всемирный потоп и ледниковый период одновременно. Зинка сама водила машину, а если за руль садился Владик, то сидела рядом, управляя мужем. Но что случилось, то случилось, вот она рядом, веселая, свежая, по-прежнему довольная жизнью и собой. Машина, урча как сытый Руська, катит по дороге за город... Нет, не за город, к гостинице.

– Я сейчас, – сказал Владька и быстро зашагал к зеркальным дверям, у которых курил молодой полицейский.

Страж порядка увидел Владьку – а для него майора, главу районного полицейского управления, округлил глаза то ли от испуга, то ли от удивления, встал в стойку, откозырял и, оставшись незамеченным, проводил долгим взглядом широкую Владькину спину.

– Ты мне объяснишь, что происходит?

Света, равнодушно относящаяся к окружающему ее бедламу, очень дорожила порядком душевным.

– Слушай, ну что ты за человек?! Подожди, сейчас все узнаешь. Вон, смотри, они уже идут, Владька и Георгий.

– Кто этот Георгий? Да и Владьку я что-то не узнаю, ты его не подменила?

Владька тем временем услужливо открыл дверцу жигуленка рослому моложавому мужчине с военной выправкой, обежал машину и уселся за руль.

– Вот, познакомьтесь...

Света могла поклясться, что никогда прежде не слышала во Владькином голосе подобострастия.

– Это Георгий Васильевич, он приехал в наш город по служебным делам, но сегодня воскресенье и можно немного расслабиться. Так, Георгий Васильевич? Зину вы знаете, а ее ближайшую подругу Светлану еще не видели. Светочка для нас как член семьи.

Светочка, уставившись на Владика во все глаза, все-таки нашла в себе силы улыбнуться и кивнуть головой. Голос пропал начисто. Очнулась от удивления она только у ворот двухэтажного дачного домика.

Зинка и Владька разгрузили машину. Вещей было так много, что невозможно было вообразить, как они поместились в тесном багажнике «девятки». Уже через несколько минут окрестности оглашала громкая музыка, дымился мангал, Зина и Света нанизывали на шампуры куски баранины, Руська крутился рядом, стараясь спереть вредное для него маринованное мясо, Георгий прогуливался по дорожкам и скучал, а Владька суетился и руководил работой... Слава богу, в конце концов мангал не потух, вино не прокисло, и стол, ломившийся от закусок, не провалился сквозь землю.

– Посмотри, какой тип! – вполголоса напевала Зинка, лаская развалившегося у нее на коленях Руську. – Что тебе необходимо? Правильно, надежное плечо. А у Георгия плечи ничего себе, и фейс тоже. Познакомься поближе, понрависься – он горы для тебя свернет, заживешь припеваючи, не надо будет у начальника каждый раз прибавку кланчить.

– Зинка, ты сводницей стала, как я посмотрю, – лениво отвечала Света, разглядывая звезды сквозь бокал с вином.
– Не могу я так просто уводить мужика из семьи. А он женат – по всему видно. Ты знаешь, что для меня главное – душевный покой, когда я с чистой совестью могу утром посмотреть в зеркало и не плевать в него. Давай не будем портить друг другу настроение и насладимся природой. Вечер-то какой! Отдай мне Руську!..

За столом Владька распинаялся о том, как замечательно, что районное полицейское управление, которое он возглавляет, удостоил вниманием такой замечательный человек как Георгий Васильевич. Георгий Васильевич терпеливо слушал спич о своих достоинствах, ел-пил мало и внимательно смотрел на Свету. А та, расслабившись на природе и выпив вина, почувствовала, что пользуется вниманием, и – была не была!

Встала, чуть покачиваясь от легкого головокружения, подошла к Георгию:

– Потанцуем?

– ...

...На всю округу звучала прекрасная мелодия. Моложавый мужчина и молодая красивая женщина кружились в танце. На них смотрели Владик, Зина и шикарный дымчатый кот Руська. Вокруг яркой лампочки кружилась мошकारа, и если бы замолкла музыка, то было бы слышно, как поют лягушки в пруду за садом.

Света проснулась ранним утром, встала, ощутив дискомфорт внутри, достала купальник, полотенце, накинула халатик и вышла во двор, отчаянно желая никого не встретить, не портить впечатление от сказочности утра – оно было слишком прекрасно, чтобы с кем-то делиться. Открыла калитку и направилась к пруду. Но все равно опоздала.

– Доброе утро, Светлана! Как спали?

Георгий усердно растирал крепкую спину мохнатым полотенцем и радостно улыбался Свете.

– Спасибо, хорошо. Вода теплая?

– В самый раз после такой ночи, – ответил Георгий.

На дачу вернулись вместе. Там уже кипела жизнь: Владик растапливал самовар, Зинка бегала вокруг Владика и стола, Руська, увидев хозяйку, помчался навстречу, а потом все утро радостно увивался вокруг ее ног.

Завтрак прошел не так шумно, как ужин. А после Зинка предложила всем вместе прогуляться по саду.

– Вы идите, я вас догоню, – крикнула Света с веранды и, дождавшись, когда компания пропала из виду, собрала вещи в сумку, посадила Руську в корзинку, открыла ворота и пошла к автобусной остановке.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Наташа, секретарь торговой фирмы с громким названием «Евродом», находилась в трудном положении. На столе одновременно голосили все телефоны. Обложившись трубками со всех сторон, она терпеливо объясняла, что Олег Иванович задерживается. Нет, он не звонил из дома, нет, ничего не известно, да, не исключено, что он заболел, позвоните попозже, после обеда... Наташа, чуть не плача, набирала дрожащими пальчиками номер мобильного, в очередной раз слушая механический голос: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...»

Первое пробуждение

Олег просыпался медленно и тяжело. Тяжело было в прямом смысле. Он разлепил веки, но ничего не увидел, кроме плотной и вязкой темноты.

– О-о-о! – вырвалось у Олега, он попытался сесть.

Попытка удалась с первого раза, и, раскинув в стороны руки, Олег определил, что пространство, окружающее его, достаточно большое хотя бы потому, что он свободно сидит, опершись спиной о стену, а руки еще ничего не нащупали. Тут до него дошло, что неплохо бы и себя ощупать. Руки определили, что брюки у Олега на месте, ботинки на ногах, пиджак, под пиджаком майка... «Где я рубашку снял? – подумал он. – Что было вчера? У Васьки день рождения... Банкет в ресторане. Музыка, женщины, Ленка почему-то дулась...» Как Олег не напрягался, больше ничего вспомнить не смог.

– Эй! Кто-нибудь! Где я?! – закричал он.

Ему откликнулось эхо где-то под потолком, и вновь наступила гнетущая тишина. Олег сидел, вглядываясь в темноту. Там вдруг проявилась светлая точка и стала стремительно увеличиваться, принимая овальную форму. Овал пульсировал, деформировался, у него появились глаза, он приобретал знакомые черты. Олег узнал лицо. Это была Ленка, жена, только что-то страшное было в этом лице. Глаза Ленкины были закрыты, губы плотно сомкнуты. Лицо приближалось, глаза внезапно открылись, зажглись красным огнем, рот растянулся в кровожадном оскале. Олег в ужасе отпрянул от видения, ударился затылком о стену и потерял сознание.

Второе пробуждение

– Олег! Олежа!

Ленкины руки трясли Олега Ивановича за плечи. Он открыл глаза, увидел бледное лицо жены, зажмурился, но потом сообразил, что Ленка напугана и не на шутку встревожена. Тихонько чертыхнувшись, он с трудом уселся и увидел себя на диване в гостиной своей квартиры. На нем были пиджак, майка, брюки, на ногах ботинки. Затылок ныл. Олег потрогал его рукой, нащупал желвак величиной с голубиное яйцо, вспомнил свой страшный сон.

– Олег, ты так кричал. Тебе что-то приснилось, да? – спросила Ленка участливо.

– Что со мной случилось? – спросил он слабым голосом.

– А что с тобой могло случиться? – усмехнулась Ленка. – Вчера мы были на банкете по случаю юбилея Василия Юрьевича. Помнишь такого? – Ленка чуть скривила пухлые губки. – Наш Олег Иванович был в ударе. Олег Иванович пил ведрами водку, лапал проходящих мимо женщин, не пропускающая даже официанток. Потом Олег Иванович, – Ленку понесло, – собравшись с силами, пошел в сортир. Там ему стало плохо, он, кажется, умывался, его вывели оттуда мокрым, без рубахи. Пришлось увезти его домой от стыда подальше. Что скажешь?

Олег молчал, но настроение немного улучшилось. Значит, не все так плохо, как ему показалось.

– Я отключила телефон, – сказала Ленка. – Позвони Наташе, она места себе не находит. Мобильник не ищи, ты его в унитазе утопил, сам вчера хвалился. Кобель! – добавила она в сердцах и вышла из гостиной.

Надо бросать пить, думал Олег, когда, тяжело двигая ногами, шел в ванную комнату. Там он пустил в ванну воду, стащил с ног ботинки, обнаружив, что носки он тоже потерял, снял брюки и пиджак, стянул через голову майку и запихнул одежду в бельевую корзину.

Вода, жизнерадостно клопоча, наполняла фарфоровую чашу. Олег Иванович стоял рядом и смотрелся в зеркало. Отражался он в полный рост, полуголый, густая щетина покрывала подбородок и щеки, а глаза были испуганы. Олег отвернулся от зеркала, снял трусы и, крихтя, полез в воду. Теплая вода обняла его со всех сторон, Олега разморило, и он задремал.

Третье пробуждение

Изо всех сил стараясь открыть глаза, Олег застонал. Он лежал голый в теплой воде. Воды было много, она равномерно плескалась вокруг Олега, булькала; она хотела успокоить Олега; она была живой. Олег открыл глаза и ничего не увидел кроме темноты.

– Где я! – закричал Олег, сам испугавшись своего голоса, полного животного страха.

Из темноты вынырнуло страшное Ленкино лицо с горящими красным светом глазами и прошипело, обдав Олега горячим дыханием:

– Ты – собака!

Не выдержав ужаса, Олег потерял сознание.

Четвертое пробуждение

Брр! Холодно. Надо же, уснул в ванной... Откуда такая вонь?

– Лена! Лена! – закричал я, не открывая глаз, но вдруг ощутил сильный удар в бок.

– Развелось вас тут, мешаетесь под ногами, – раздался сверху недовольный мужской голос.

Я, взвизгнув, открыл глаза и увидел ноги. Много ног, проходивших мимо меня. Здесь были брюки, точеные женские ножки в модельных туфельках, мешковидные юбки, колышущиеся над толстыми лодыжками в растоптанной обуви, голенастые, непонятной принадлежности конечности в джинсах. Я лежал на холодном асфальте и не сразу сообразил, что мир вокруг меня содержит только два цвета: черный и белый. Но еще вчера он был так многоцветен!

– Мама, давай возьмем собачку домой. Ей так холодно, она голодная, – пропищал голосок, принадлежащий девочке лет пяти.

Девочка протягивала мне кусочек булочки, которую только что сама жевала. Мой рот наполнился слюной, но я лежал не двигаясь. Мой мозг лихорадочно работал. Почему, думал я, меня до сих пор не подобрала полиция, я ведь был мертвецки пьян?

Малышка смотрела на меня огромными синими глазенками.

– Мама, смотри, собачка не хочет булочку, – ее голосок вонзался в мои уши. Девочка присела возле меня. – Давай возьмем собачку домой, – повторила она жалобно.

К смеси запахов, окружавших меня со всех сторон, прибавился еще один, незнакомый и приятный. Рядом с девочкой появилась молодая привлекательная женщина. У нее тоже были синие глаза, а я вдруг застыдилась, что вот лежу перед ней беспомощный, а рядом со мной где-то развалился бездомный пес. Из моего горла вырвался стон.

– Смотри, собачка плачет, – малышка сама чуть не плакала.

– По-моему, это мальчик, – сказала женщина. У нее был приятный грудной голос, ласкающий слух. – Да, придется его взять к нам. Думаю, Дези не будет против.

Женщина наклонилась, и я ощутил на животе ее прохладные мягкие руки. Я понял, что это именно меня они называли собачкой, и стал вырываться. Руки крепко стиснули меня и прижали к кожаному пальто, в котором была женщина.

– Тихо, тихо, дурачок, – приговаривала она, – у нас тебе будет лучше, чем на улице. Смотри, Маша, у него нет ошейника, значит, он бездомный.

Я продолжал слабо сопротивляться, но сил хватило только на то, чтобы порвать зубами вонючую турецкую кожу, за что получил ощутимый шлепок по ноющему затылку, и затих... Внутри меня все смешалось: вчерашний банкет, страшный сон, Ленкино лицо, черная кожа... А руки несли меня в неизвестном направлении. Иногда я открывал глаза, и на меня двигались люди и дома, обрушивалась вонь бензина, пота, дешевого одеколona и дорогих духов... «Ты – собака!» – прошипело рядом. Я вздрогнул, проснулся и обнаружил, что мы уже находимся в лифте. «Какая же я собака, – подумалось мне, – если маленькие женские ручки без труда удерживают меня?»

– Ну, вот мы и дома, – сказала женщина, опуская меня на пол. – Дези, смотри, кого мы принесли.

Из комнаты выскочила огненно-рыжая колли. Я стоял на паркете, и под пристальным взглядом овчарки мне стало не по себе. Она обошла меня и хотела ткнуться лисьим носом под мой хвост. Я отпрыгнул, собака коротко и недовольно гавкнула.

– Фу, Дези, не пугай нашего нового друга, – сказала хозяйка. – Ему так плохо. Иди, Маша, накорми своего подопечного.

– Можно я назову его Сантиком? – спросила Маша.

– Называй, как хочешь, лишь бы он отозвался, – улыбнулась женщина.

«Сантик, фантик, – подумал я неприязненно. – Надо бежать отсюда».

– Сантик, – сказала Маша, – пойдем кушать, – и пошла, по всей вероятности, в кухню.

Я нехотя поплелся за ней. Идти на четвереньках было неудобно, я путался, ноги цеплялись. В кухне на полу уже стояла миска с собачьим кормом. Я попытался взять кусочек рукой, но короткие пухлые пальцы меня не слушались.

– Черт, – сказал я и стал есть по-собачьи.

Наевшись, я решил обследовать квартиру. Это была стандартная двушка. В маленькой комнате пахло молоком и карамелью. В большой было полутемно. Я заглянул туда и неуверенно спросил:

– Можно?

– Ты откуда такой? – поинтересовалась Дези, голос у нее оказался хриплым, а тон развязным. Она возлежала на диване, и видно было, что настоящей хозяйкой в доме была именно эта избалованная собака.

– Не знаю, – пожал я тем, что еще недавно было моими плечами.

– Скажи спасибо хозяйке, – продолжала Дези. – Вечно она подбирает всяких шавок наподобие тебя. Отдает их потом, как говорится, в добрые руки.

Мне стало скучно слушать ворчание овчарки. В дальнем углу комнаты стояло зеркало, в котором отражались мебель и две собаки: лохматая колли и рыжий маленький охотничий пес, кокер-спаниель, кажется. Моему изумлению не было предела. Я – собака! Охотник! Да я никогда не охотился. Если только за юбками.

– Что, никогда себя в зеркале не видел? – хрипло спросила Дези.

– Видел, – ответил я. – Вчера...

Я вышел в коридор, улегся на пушистом коврикe и уснул. Во сне ко мне подошла Дези, улыбнулась и сказала:

– Ты – человек.

– Да, – подтвердил я. – Да, я – человек!

Пятое пробуждение

Вода совершенно остыла, и Олег проснулся от холода. Он вылез из ванны и стал растираться махровым полотенцем.

– Лена, – крикнул он в пространство, – принеси мне белье!

Дверь приоткрылась, впустив белую руку со стопкой белья.

Олег оделся, накинул на плечи халат, расшитый драконами, вышел из душевой комнаты в коридор, ощущая босыми ступнями чистоту линолеума. По квартире распространялся запах свежесваренного кофе. Олег остановился на пороге кухни и, глядя, как Ленка быстро двигается от плиты к столу, делает бутерброды, наливает в чашки кофе, чувствовал себя почти счастливым.

Олег вышел из подъезда, вдохнул полной грудью свежий воздух и быстро зашагал по тротуару. Впервые за последние три года он шел на работу пешком, отмечая голубизну октябрьского неба и яркую палитру осени.

– Развелось вас тут, мешаетесь под ногами! – громко сказал проходящий мимо мужчина и пнул ногой в тяжелом ботинке лежащего на тротуаре рыжего лохматого пса охотничьей породы. Кокер-спаниеля, кажется.

Олег Иванович подошел к собаке, присел на корточки и посмотрел в черные слезящиеся глаза. Что-то шевельнулось внутри. Олег провел ладонью по гладкой блестящей спине спаниеля, поднял его и прижал к груди.

Люди проходили мимо, спешили по своим нужным и ненужным делам, и никто не обращал внимания на мужчину, идущего по городу с рыжим кокер-спаниелем на руках.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Облака

Дорога уходила в никуда. То есть направление было известно, и дорожные знаки регулярно оповещали нас, куда мы едем. Но меня не покидало стойкое ощущение, что трасса сегодня уведет нашу машину в неизвестное место.

Настроение усиливало подсвеченное предзакатным солнцем небо. Уже полчаса я наблюдала на горизонте две точки. Одна удивительным образом была похожа на белого пуделя, а другая – на дракона. И вот уже полчаса эти образы не могли развеять воздушные потоки, которые только и занимаются тем, что меняют очертания облаков.

Наша машина миновала горный перевал и оказалась в предгорьях Киргизского Алатау, где даже летом было прохладно. Я опять посмотрела на горизонт. Дракон и Пудель примостились по обе стороны заходящего солнца и окрасились в розовый цвет. У Пуделя чуть растрепались уши, а у Дракона приподнялся хвост и проявились очертания крыльев.

Ночью над городом пронесся ураган, сорвавший с деревьев последнюю листву. Ветер навел порядок в захлапленных дворах, загнал в подвалы бездомных собак, разбил стекла в балконных рамах. А утро нового дня было прозрачным и тихим. Насколько тихим может быть утро в городе...

Пудель и Дракон улетели вслед за ветром в восточном направлении. Им было интересно наблюдать за забавами стихии. А когда ветер притомился и забился в горное ущелье, Пудель и Дракон нашли для себя удобную горную вершину и улеглись на ней, тесно прижавшись боками друг к другу.

И теперь трудно угадать в белоснежном облаке очертания сказочных животных. Но однажды, я надеюсь, Пудель и Дракон снова выйдут на прогулку, напоминая людям о том, что сказка всегда находится рядом.

Соль

С утра все валится из рук. Сначала мыло выскользнуло из ладошек и рухнуло на дно ванны с оглушительным грохотом. Потом сама собой выпрыгнула из посудного шкафа чайная чашка. Я рассыпала соль и, вспомнив, что в этот момент необходимо засмеяться, как-то странно захихикала.

– Мам, ты чего? – с недоумением спросила дочка.

– Да так, соль вот рассыпала...

– И что?

– Засмеяться надо, – объяснила я.

– Зачем?

– Чтоб невезение отпугнуть.

– Суеверия все это, – сделала вывод Валентина, допила чай, поставила чашку в мойку и вышла из кухни.

Отметив с неудовольствием, что дочь не помыла за собой посуду, я вздохнула и промолчала, в зачатке загасив готовый разразиться скандал – вот она, соль рассыпанная.

Как я ни торопилась, а на автобус опоздала. Пришлось ждать следующий. Из дверей подъехавшего «китайца» выпала женщина, поднялась и громко начала выговаривать водителю за то, что дернул машину именно тогда, когда она выходила из салона. Водитель отмолчался – скандал не входил в его планы. Он дождался, когда войдут пассажиры и еще раз дернул автобус. Именно в этот момент я подходила к свободному креслу, на которое рухнула боком. Я вздохнула и решила снова промолчать, загнав внутрь вот-вот готовые вырваться слова, – вот она, соль рассыпанная.

Рабочий день прошел незаметно, наполненный ожидаемыми и неожиданными событиями. Дома было тихо и спокойно. А на буфетной полке лежали две крупинки соли, осмеянные мной и успевшие отомстить за свой позор.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Мельник. О себе.....	3
Бекет Момынкул. Предисловие	4

СТИХИ

Зеленые штаны.....	9
Предрассветие.....	10
Ноябрь. Утро.....	11
«Вот-вот послышатся шаги за дверью...»	12
Горное озеро	13
Ночь и тишина	14
«Сквозь тюля прозрачные розы...»	15
«Мне тишина нашептала соблазнов...»	16
«Мимолетный поцелуй...».....	17
Восточная сказка	18
«Я нарушала прописные истины...».....	19
Жара.....	20
«Желтый лист плывет в пруду – уплывает лето...»	21
«В осенних горах осеннее всё...»	22
«Мне глубоко не наплевать на мир...»	23
«Осень в горах загрустила...»	24
Бабье лето	26
«Пройдет один месяц, и лето устанет от дел...».....	27
«Сто лет пройдет, я вспомню этот миг...»	28
«Двор, беседка, крашенный заборчик...».....	29
Мамин дом	30
«Горячее солнце. Вверху облака...».....	31
В ожидании	32
Память.....	33
«Сто тысяч звезд в ночи мне светят сверху...»	34
Вечность	35
«Я умоляю, нарушать не надо...».....	36
Полнолуние.....	37
Я не странник.....	38
Расстояние.....	39

Осколки	40
Снова осень	41
Семипалатинск	42
Осень	43
Хранитель	44
Буря	45
Одинокая зима	46
Мелодия	47
Возмездие	48
Усталость	49
«В холодной ломоте руки...»	50
«Был день обычный. Жара давила...»	51
«Когда у меня хорошее настроение...»	52
«Не верить в чудеса...»	53
«Такой декабрь – своенравный, дикий...»	54
«Шумит вокруг меня огромный мир...»	55
«Вынырываю утром я из снов...»	56
«Мне этим воскресеньем было скучно...»	57
Печальная осень	58
«Свободная квартира до весны...»	60
«Под ручку с осенью сегодня я гуляла...»	61
Прогулка	62
«Лето закончилось серым дождем...»	63
«Какая осень – и такие сны...»	64
«Ах, какое оно горячее...»	65
«поймешь однажды навсегда...»	66
«Уже похолодало в небесах...»	67
Редакционное	68
«Неприхотливость не в моде...»	69
Легенда об Айша-Биби	70
«Первый снег... Неожиданно белым...»	71
«Темно-синий вечер спрятал от меня...»	72
Граффити	73
Дороги	74
«Запах хлеба, аромат духов...»	76
«Восьмой день недели...»	77

«Светлые дни потускнеть не успели...»	78
«Непостоянство изменчиво...»	79
«Как нежно утро обдаёт прохладой...»	80
«Во мне отразилась весна...»	81
Сторож Акыр-Таса	82
Зазеркалье	83
«В этом мире большом и сложном...»	84
«Зеленый ильм закрыл мое окно...»	85
«Ночной прохладой не отравит ночь...»	86
2020 год	87
«Устали мысли, прилегли в углу...»	88
«Бессмысленно отказывать себе...»	89
«Уходит лето, вдалёк уносит много...»	90
«Наступит осень, как всегда...»	91
«Под синим небом – твердая земля...»	92
«Наступит время рано или поздно...»	93
«Я люблю тебя, безусловно...»	94
«Отправлено сегодня сообщение...»	95
«Снова сон. Он граничит с явью...»	96
«Пью кофе на исходе ноября...»	97
«Какой простор для глупостей веселых!...»	98
«Синий туман, снежинки, мороз...»	99
Нашему Левочке	100
«Я каждое утро сажусь в салон...»	101
«Мотор! Поехали! И дальше в никуда...»	102
«Зачем-то тревожится небо...»	103
«Алый восход – начинается день...»	104
«Сколько верст мне осталось, не ведомо...»	105
«Привет, февраль! Я так скучаю...»	106
Обнажение души	107
«Все свободны и несвободны...»	108
«Сегодня вечер теплый, как парное молоко...»	109
Реют флаги	110
«Капелькой дождя в розовом тумане...»	111
«Постепенно находится время...»	112
«Горы и крыши на горизонте...»	113

О времени	114
Весенний дождь	115
«Прошло сегодня много, много дней...»	116
Из ада – в сад.....	117
Весеннее	118

РАССКАЗЫ

Бред.....	121
...Чтоб утолить.....	129
Пробуждение	135
Мелочи жизни.....	142

Литературно-художественное издание

Людмила Мельник

Обнажение души

Сборник стихотворений и рассказов

Корректор Елене Ринатова

Дизайн обложки Валентина Дубовенко

Верстка Толкын Исакаова

Подписано в печать 01.12.2023.

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,7

Тираж 1000 экз.

ТОО «Abai» baspasy

Директор: Акберен Елгезек

г. Алматы, пр. Рыскулова, 140/4

Тел.: 8 701 707-40-10

E-mail: abaibaspasy@gmail.com

Отпечатано с файлов заказчика в типографии ТОО "КУРСИВ"

г. Алматы, м-н Баганашыл, ул. Восточная, 2.

ЛЮДМИЛА АНАТОЛЬЕВНА МЕЛЬНИК

Родилась в 1966 году в селе Мерке Меркенского района. Родители рассказывали, что в тот декабрьский день был сильный буран. Видимо он и отразился на моем характере. С детства я отличаюсь нетерпимостью к несправедливости, целеустремленностью и решительностью в достижении к цели. Так получилось, что мое раннее детство прошло сразу в нескольких селах Кордайского района, славящегося прекрасной природой. С 1976 года наша семья осела в селе Б. Момышулы (бывш. Бурное) Жуалынского района. Стихи попробовала писать рано. Некоторые из них были включены в школьные стенгазеты.

Что касается серьезного творчества, то этот период наступил в начале 2000-х годов. Мои работы прошли конкурсный отбор для участия в мастер-классе Общественного фонда развития культуры и гуманитарных наук «Мусагет». Часть из них вошла в один из номеров литературно-художественного издания «Аполлинарий». Также имеются публикации в журналах «Нива» и «Простор».

ISBN 978-601-7694-14-2

9 786017 694142

